

# Б. КОНОФАЛЬСКИЙ ИНКВИЗИТОР



## ЧАСТЬ II БОЖЬИМ ПРОМЫСЛОМ

18+

**Борис Конофальский**  
**Инквизитор.**  
**Божьим промыслом**  
Серия «Путь инквизитора», книга 11

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=68891373](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68891373)  
SelfPub; 2023*

**Аннотация**

Прошло пять лет с тех пор, как Иероним Фолькоф получил от Его Высочества титул барона. Теперь он, как требует вассальная присяга, должен воевать за интересы своего сеньора. Первая книга из новой серии будет интересна тем, кто любит "про войну"

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	56
Глава 7	66
Глава 8	79
Глава 9	87
Глава 10	96
Глава 11	107
Глава 12	116
Глава 13	127
Конец ознакомительного фрагмента.	134

# **Борис Конофальский**

## **Инквизитор.**

### **Божьим промыслом**

## **Глава 1**

Ледяной дождь с резким северным ветром докучал ему уже не на шутку. Невероятным образом проникая под горжет, дождь намочил верх стёганки под панцирем и охлаждал плечи и спину, вызывая озноб во всём теле. Отвык он от холода и походов. А тут ещё и нога, куда же без неё, уже начала ныть. Несильная, но тягучая и нудная боль стала донимать его потихоньку под этим проклятым ледяным ветром. Хотелось растереть колено, согреть и хоть как-то смягчить донимавшее его ощущение. Но как до колена добраться, если оно упрятано под великолепным наколенником?

Можно было бы попросить оруженосцев снять эту часть доспеха, но для этого ему придётся слезть с коня, а потом они долго и суетно будут снимать латы в темноте замёрзшими пальцами, ведь начинать нужно будет с наголенника. После ему не захочется опять садиться в седло, а захочется вернуться в шатёр, сесть в кресло, вытянуть ногу к жаровне, попросить Томаса согреть вина, пока Гюнтер собирает на стол

какую-нибудь быструю еду. А потом, перекусив, захочется лечь в прогретые грелками перины. Да, ему бы этого... хотелось бы... хотелось бы... но нет... Нет, нельзя, весь этот день ему предстоит провести в седле, и лучше не позволять себе расслабляться. Даже в мыслях. А боль в ноге... Так сколько лет он её терпит? Потерпит и сегодня.

Рудольф Хенрик, возмужавший и заматеревший, с заметной щетиной на породистом лице, ныне близкий, неразлучный приятель Максимилиана Брюнхвальда, держит рядом с генералом лампу, которую дождь и ветер пытаются загасить. Но Хенрик прикрывает лампу от порывов ветра и дождя краем плаща, чтобы не угасла, чтобы идущие из деревни люди видели в темноте хоть какой-то знак на холме, где их ждали генерал и офицер.

– Чёртов холод, даже и не знал я, что в наших местах в ноябре бывает так холодно, – в который раз ругается полковник Игнасио Роха. – И что это за дождь? Это просто ледяная вода! У нас в горах зимой иной раз такой бывает. Но тут-то не горы...

– Так до Рождества уже меньше месяца, откуда же быть теплу, – замечает ему в ответ полковник Рене.

– Всё равно, чёрт бы побрал этот холод! – продолжает бурчать Роха. – Проклятые еретики, будь они, собаки, неладны! Ну кто воюет тогда, когда надо стоять на тёплых квартирах?! Безбожники! Что ещё о них сказать?!

Генерал поворачивается к нему и различает его в блек-

лом свете заливаемой водой лампы. Полковник кутается в промокший плащ, с его шляпы течёт вода. Игнасио не носит шлема, хотя Волков и напоминал ему про это, просил его носить. Но нет, не носит из глупого бахвальства, как и многие его мушкетёры. Старики, сержанты и корпоралы его полка носят только шляпы. С одной стороны, генерал не одобрял этакой беспечности, но с другой стороны, шляпы с заломанными кверху правыми краями полей стали символом полка, знаком мушкетёров Эшбахта. Которые в окрестных землях, и даже за их пределами стали в последние годы знамениты, а значит, и дороги. Сам герцог один раз не погнушался нанять две сотни дорогих мушкетёров во главе с их славным полковником для одного недолгого дела. Нанял их вместо арбалетчиков, всего половину от тех, что жили в землях барона, так как на всех у курфюрста Ребенрее не нашлось денег.

Мушкетёры из Эшбахта. Это название стало таким же известным в верховьях Марты, как и арбалетчики из Ламбрии, или пехота горцев, или жандармы короля. Волков был этому рад, он даже не запрещал людям, что жили на его земле, ходить в чужие походы под его вороном на флаге и называться именем его земли. Пусть зарабатывают, лишь бы драгоценные мушкеты не теряли. Пусть Роха, Вилли и другие офицеры, да и сами мушкетёры побалуют себя серебром. Главное, чтобы потом их жёны тратили добытые деньги в Эшбахте.

И пока что ни в одном деле солдаты не посрамили цветов его герба. Везде с гордостью и под барабаны они несли его

знамя, даже когда дело было проиграно. А знаменосцев полка прапорщиков Франка и Клюгенау с другими офицерами кавалер Фолькоф фон Эшбахт, барон фон Рабенбург, приглашал к себе за стол на рождественский обед. И только под его знаменем мушкетёры Эшбахта соглашались воевать, даже если нанимавший их военачальник был известен и родovit. Об этом мушкетёры и в своём договоре по найму записали первым пунктом: их знамя – чёрный ворон на белоглубом поле. И никакого другого. Спасибо за то Рохе и Вилли.

– Кто-то идёт! – прокричал Георг Август фон Флюген; молодой человек спустился с холма и выехал чуть ближе к домам – и первым увидал отряд, который шёл из деревни на север.

– Флюген! – кричит ему полковник Рене. – Спросите, кто идёт.

– Либо это Леманн, либо Циммер! – заметил кто-то из выезда.

– Циммер? – переспросил Рене, и все офицеры, стоявшие подле генерала, кажется, стали усмехаться.

– Это идёт капитан Леманн! – кричит фон Флюген.

– Циммер, – едко замечает майор Дорфус, ставший вторым человеком в штабе генерала, – как нетрудно было догадаться, осчастливит нас своим появлением в последнюю очередь.

Едва различимы в темноте и дожде колыхались ряды пик, под сотнями ног чавкала грязь размытой дождём дороги. Из-

за домов наконец вылезла голова большой колонны солдат.

– Капитан Леманн, с ротмистрами Хольцем и Рудеманом и со ста семидесяти двумя солдатами, прибыл, генерал, – громко доложил капитан, подъехав к холму и остановившись у рогаток.

Волков был совсем не в том настроении, в котором опоздание капитана сошло бы тому с рук; генерал довольно едко произнёс:

– Мы признательны вам, капитан, за то, что вы наконец соизволили к нам присоединиться.

– Извините, господин генерал, – отвечал тот чуть сконфуженно, – у выхода из лагеря случилась суета, мои солдаты перемешались с солдатами других рот, их пришлось ждать у выхода и строить во второй раз.

– Вы видели капитана Циммера? Где он, где его люди? – спросил у него майор Дорфус.

– Когда я выезжал из лагеря, он уже строил своих людей.

– А майор Пруфф?

– Он завяз с большими пушками на деревенской площади, там огромная лужа и грязь, я его обогнал.

– Я так и знал, – зло буркнул генерал, – это всё из-за..., – он не стал договаривать, нельзя же жаловаться своим людям на маршала, который не дал ему забрать раньше его же оружия.

– Сапёры уже вытаскивают его. Пруфф скоро будет, – сказал майор Дорфус.



Волков только взглянул на него раздражённо, и Дорфус, не дожидаясь едких высказываний от генерала, прокричал Леманну:

– Капитан, ведите людей по дороге, река будет слева, а справа увидите костры, идите на них, там полковник Брюнхвальд укажет вам ваше место в баталии!

– Да, господин майор, – ответил Леманн и ускакал к своим людям.

Оставалось дожидаться только капитана Циммера с двумя сотнями его людей и майора Пруффа с его пушками. Опять ему приходится ждать. А ведь ни дождь, ни холод, ни боль в ноге не затихают.

Где-то у околицы деревни, там, где шумно шевелится, уходя по размокшей дороге, солдатская колонна, слышатся голоса, кто-то перекрикивается. А потом оттуда к холму, на свет ламп, приезжает молодой вестовой офицер. Один из сержантов, что стоят внизу, машет ему лампой: сюда, генерал тут. Объехав палисад, весь промокший молодой человек останавливает лошадь у подножия холма перед офицерами. На нём ни шлема, ни шапки, наверное, потерял впотьмах; он кланяется и кричит:

– Господин генерал, вам письмо от маршала!

Вестовой достаёт из-под кирасы бумагу и протягивает её фон Флюгену, а тот уже въезжает на холм и отдаёт письмо Волкову.

Хенрик подносит лампу к генералу поближе, а пока тот

распечатывает конверт, майор Дорфус спрашивает у вестового, кричит ему:

– Маршал просил что-то передать на словах?

– Да, он сказал, что будет очень признателен, если генерал передаст две свои тяжёлые пушки ему в центр.

Волков даже перестал распечатывать конверт, он, как и все присутствующие офицеры, уставился на вестового. Капли дождя падали на бумагу, размывая чернила. А всё недоумение от этой просьбы озвучивает полковник Рене:

– Но как же так?! Вчера на совете было решено, что все наши пушки останутся у нас на левом фланге, диспозиция была утверждена всеми присутствовавшими генералами!

– У нас люди тащат орудия полночи под дождём, – добавил майор Дорфус с явным негодованием. – И теперь их тащить обратно?

Но все эти вопросы, всё это удивление и возмущение были адресованы не тому человеку, поэтому вестовой только и сказал:

– Господа, мне всего лишь велено передать генералу фон Рабенбургу пожелание маршала.

Волков ничего не сказал, просто развернул бумагу и начал читать. Прочитал быстро и ничего нового из неё не узнал, вся суть уже была высказана словами. Поэтому он ответил в официальной форме:

– Передайте маршалу цу Коппенхаузену, что две мои пушки будут незамедлительно направлены к нему в центр.

Но также сообщите маршалу, что из-за дождя и плохой дороги они не прибудут быстро. Тем не менее, я уверен, что майор Пруфф сделает всё от него зависящее, чтобы поспеть на новую позицию до рассвета.

– Я всё передам маршалу, – заверил вестовой и тут же усккал в темноту, в дождь.

Ну и, конечно же, Волков был вынужден выслушивать брюзжание своих офицеров, среди которых больше иных высказывал своё недовольство полковник Роха:

– Мало того, что он забрал у меня шестьдесят мушкетёров и сто аркебузирова, так он ещё и главные пушки у нас отбирает!

Генерал же ничего не отвечал своим офицерам, он только вздохнул. Конечно, он не собирался отдавать свои пушки в центр, но на конфликт с маршалом ему идти не хотелось. Волков решил, что всё утрясётся само собой. Он чуть повернулся к Рене и спросил его, обращаясь в простой форме, породственному:

– Рене, друг мой, напомните, как называется эта деревня?

– Гернсхайм, господин барон, – так же не по форме отвечал ему полковник Рене.

– Кажется, здесь есть колокольня?

– Да, у них здесь есть неплохая кирха с колокольней, а почему вы интересуетесь, господин барон?

– Просто я хочу знать, сколько времени осталось до рассвета. Думаю, мы услышим колокол, зовущий к заутренней

молитве.

– Полагаю, что услышим, а до рассвета осталось ещё часа полтора, – заметил майор Дорфус.

– Вот и прекрасно, – отозвался генерал, – а это, – он стал вглядываться в дорогу, что шла между домами, – никак капитан Циммер там показался?

Один из молодых господ из выезда генерала съехал с холма к дороге и крикнул:

– Флюген! Там, кажется, кто-то идёт?

И тот тут же прокричал в ответ:

– Да, идёт колонна!

– Будем надеяться, что это Циммер, – произнёс Рене.

– Ну наконец-то, – бурчал Роха.

– У вас острый глаз, господин генерал, – заметил Дорфус.

Да, глаза его ещё не подводили. Он здесь, на холме, был единственным, кто разглядел в темноте приближающихся солдат. Прошло совсем немного времени, прежде чем генерал и офицеры увидели человека, бегущего к холму от колонны. Волков даже не сразу понял, кто это к нему бежит, лишь когда тот подбежал, всё стало ясно.

– Капитан Циммер прибыл, господин генерал!

– Капитан Циммер, вы прибыли один? – едко поинтересовался у него майор Дорфус. – С вами есть какие-нибудь люди?

– Ах да, простите, – поправился капитан, – со мною ротмистры Пильнье и Бродкуммер и сто шестьдесят семь солдат

и сержантов.

— Где ваша лошадь, капитан? — вдруг поинтересовался у него генерал.

— Лошадь? — растерянно переспросил Циммер.

— Да, где ваша лошадь? — продолжал Волков. — Днём, в поле, когда мы с маршалом осматривали местность, вы, если я не ошибаюсь, были на лошади. Почему же вы сейчас без неё?

— Мой денщик..., — начал капитан и замолчал.

— Что ваш денщик? Украл вашу лошадь? Съел её? Потерял? — продолжал генерал задавать вопросы. Казалось бы, вопросы были смешные, как и сама ситуация, но тон командира был таков, что даже нагловатый полковник Роха, и тот был абсолютно серьезен.

А бедный капитан пыхтел и заикался:

— Мой денщик... В лагере такая сутолока, суета... Мой денщик пошёл седлать коня, но не нашёл седла...

— Что? Не нашёл седла? — удивился Волков.

Тут уж Роха не сдержался и начал смеяться, а за ним и другие офицеры стали тихонько посмеиваться.

— Да... Он не нашёл седла... Говорит, что оставил его возле палатки, а когда пришло время седлать коня, его там не было. А солдат нужно уже было строить... Вот я и пошёл без лошади, а ему сказал искать седло... А как найдёт, ехать ко мне.

Офицеры, и особенно молодые господа из выезда генера-

ла смеялись над болваном уже в открытую. А вот генералу было не смешно.

«Несуразный человек». Волков смотрел на этого молодого офицера и повторял про себя эти слова. Даже вид его был несуразен. Даже шлем... Он ему, кажется, мал. Шлем так нелепо, чуть криво сидел на голове капитана, из-за чего Циммер выглядел скорее комично, чем основательно.

«Ну какой из него офицер; над ним, скорее всего, за спиною потешаются его же собственные нижние чины».

\*\*\*

Верные люди в Фёренбурге сообщали курфюрсту ещё летом, что местные общины еретиков грозятся открыть городские ворота, если прославленный маршал еретиков ван дер Пильс придёт к городу. А ван дер Пильс и вправду стоял на реке Марте, у местечка Санкт-Гоар, лагерем, в котором было не менее семи тысяч человек пехоты. Он собирал провизию и зачем-то лодки. Просто так такое не делают. Особенно герцога и его людей волновали лодки. К чему ему они? Было ясно, что он что-то замышляет. Но время шло, а ван дер Пильс не двигался с места. А вот общины безбожников в Фёренбурге вооружались – и обнаглели настолько, что стали ходить по городу вооружёнными отрядами и даже подходить с оружием к храмам и грозить отцам Истинной Церкви, требуя от них какого-то сатанинского покаяния. Идти в город и перерезать нечестивых герцог всё никак не решался, город был в своём праве и не был в сеньорате герцога, поэтому

Его Высочеству приходилось проявлять щепетильность, чтобы не поссориться с городским советом. И не подбить город на прямое противодействие и отказ выплачивать так нужные герцогу сборы за дороги, торговые пошлины, пристани, рынки и за прочее.

И поэтому герцогу приходилось содержать на севере своей земли немалые силы и, плача вместе со своим казначеем над расходами, платить добрым людям немалые деньги.

А время шло, миновало лето, а за ним ушел и сентябрь. Ван дер Пильс так из лагеря и не вышел, а в начале октября купчишки ушлые сообщили герцогу, что проклятый маршал безбожников, оставив в лагере своего заместителя, отбыл на север с малой свитой. Стало ясно, что в этом году кампании не будет. Курфюрст перекрестился, облегчённо вздохнул и распустил нанятых солдат, а своих солдат и вассалов отправил на квартиры и по домам. А сам предался размеренной жизни без волнений. А уже в начале ноября ему донесли, что проклятый безбожник ван дер Пильс вернулся в лагерь и привёл с собой ещё около тысячи человек, набранных на севере. Говорят, что это были аркебузиры. И много кавалерии. А что было ещё хуже, так это то, что через пару дней к Санкт-Гоару подошли три небольшие галеры. И видевший их купец божился, что у тех на носах видны пушки. Вот тут-то всё окончательно прояснилось. Ван дер Пильс вовсе не отказывался от похода на земли герцога, просто для этой цели он набрал лодок, барж и галер. Это чтобы не тащить по

осенним, раскисшим от непрерывных дождей дорогам большой обоз десятитысячного войска. Теперь он всё, что ему нужно, повезёт по реке. По славной реке Марте, а из неё войдёт в реку Эрзе и поднимется до самого Фёренбурга, и при этом ему не придётся биться насмерть за мосты и переправы, чтобы подойти к Фёренбургу. Зачем ему эти мосты, зачем переправы, если у него столько лодок, барж и галер? Только тут герцог и его двор поняли, какая опасная ситуация складывается вокруг столь важного и в военном, и в финансовом отношении города. Герцог был вынужден срочно занимать деньги на новое войско. А срочно – значит дорого, но у него не было выбора. Фёренбург стоил дороже.



## Глава 2

После того как курфюрст стал спешно собирать силы из-за неожиданного приближения войска еретиков к его северным границам, Волкову пришлось нанимать всех солдат и офицеров, которые только находились поблизости, чтобы собрать войско буквально за неделю. И скорым маршем идти на соединение с главными силами герцога. Когда немного отставший полковник Брюнхвальд догнал на марше отряд генерала, тогда-то, на знакомстве с офицерами, Волков первый раз и увидел Отто Циммера. Нанятых наспех офицеров ему представлял Брюнхвальд. Генерал только взглянул на Циммера, чуть полного и невысокого молодого человека с детским лицом, и, наклонившись к своему другу, тихо спросил:

– На какую же должность вы хотите взять этого юношу?

Карл Брюнхвальд ответил не сразу, видно было, что ему неловко, но он всё-таки сказал:

– На должность капитана.

– О, на должность капитана?! А вы уверены, что он ещё не достоин полковничьей должности? – поинтересовался генерал.

– Он пришёл со своими людьми, с ним шесть сержантов и тридцать один солдат, а ещё два опытных ротмистра.

– А, ну это, безусловно, меняет дело, – ехидно заметил генерал.

Брюнхвальд всё ещё был сконфужен, и потому старался объяснить:

– С его дядей, с Хельмутом Циммером, я по молодости много лет служил в одной роте, сидел полгода в одной осаде, где нам пришлось есть конину, чтобы не помереть с голода. Отличный был человек. И отец этого Циммера был тоже хороший офицер.

– Ну ясно. А эти его ротмистры, что пришли с ним, тоже ваши знакомые, или хотя бы они настоящие солдаты?

– Нет-нет, Пильнье и второй, имя которого я запомнил, настоящие ротмистры; я с ним поговорил, он с опытом, много уже послужил. Я сейчас приглашу их к вам, сами убедитесь.

Волков махнул рукой, ему было не до того.

– Ладно, Карл, берите его, но под вашу ответственность. Под вашу ответственность, Карл.

– Спасибо, друг мой, – заулыбался Брюнхвальд и сказал Циммеру: – Господин Циммер, господин генерал – молитесь за него Господу – утверждает вас на должность капитана. Надеюсь, вы не посрамите имени ваших славных родителей и не подведёте меня.

Циммер покраснел, стал раскланиваться и клясться, что не подведёт и не опозорит. И заверял, что обязательно будет молиться.

\*\*\*

Спешка, спешка. За всю свою военную карьеру барон Ра-

бенбург не мог припомнить, чтобы так поспешно собирались войска. И, конечно же, герцог не оставил столь опытного в военном ремесле вассала в стороне от дела. Гонец от Его Высочества прибыл в Эшбахт в начале ноября ближе к ужину и просил барона принять его немедленно. Учитывая непростые отношения со своим сеньором, кавалер Иероним Фолькоф фон Эшбахт, барон фон Рабенбург, порадовал гонца быстрым согласием, с чем тот тут же отбыл обратно, несмотря на приближающуюся ночь. А баронесса, беременная в третий раз, себе не изменяя, стала рыдать и молиться, стала упрекать мужа в том, что «он всё никак не успокоится со своими войнами», как будто это барон затеял войну, а вовсе не её венценосный родственник. Верный вассальной присяге Рабенбург уже в следующее утро явился в Мален с отрядом мушкетёров в семьдесят человек, которых он нанял за свои деньги. С ним также были полковник Брюнхвальд, полковник Роха и майор Дорфус, а также четверо молодых господ из выезда.

Большого отряда барон себе позволить не мог из-за скудости казны, даже и этих людей он нанимал на те деньги, на которые собирался гасить проценты по долгам. Но в день его приезда в Мален туда же прибыл и эмиссар Его Высочества и старый знакомец Волкова, Фильшнер. Теперь он был в чине майора. Фильшнер просил у барона встречи, а при встрече думал кланяться, но барон его по-свойски обнял, как старого приятеля. Выяснилось, что майор привёз два сундука сереб-

ра для найма людей, а так как своих сержантов у него мало, он просил Волкова помочь. А ещё передал барону просьбу самого герцога о мушкетёрах и сообщил, что маршал герцога Дитрих Альберт цу Коппенхаузен очень рассчитывает на пушки барона. Барон насчёт мушкетёров согласился, но вот пушки...

– Друг мой, вы и вправду думаете, что тащить орудия на север – это хорошая затея? Вы же ехали сюда, вы видели дороги!

– Видел, видел, – соглашался Фильшнер, – от Вильбурга до Малена дорога неплоха, и маршал просил герцога, а герцог просил вас. Для того он, герцог, выделил отдельную плату. Именно на ваши пушки, порох и ядра. Также на дополнительных лошадей и на оплату прислуги... выделил, – майор заглянул в какую-то бумажку, – триста сорок талеров.

Этого, конечно, хватило бы даже на найм Пруффа и его людей, хотя затея с пушками Волкову всё равно не нравилась. Но отказывать герцогу... Последнее время между ними, не без стараний графини фон Мален, складывались неплохие отношения. Герцог только в этом году дважды приглашал его ко двору, куда барон являлся с баронессой и сыновьями, отчего всё семейство было счастливо.

Шутка ли, дворец самого курфюрста.

– Так какие пушки мне взять с собой?

– Маршал рассчитывает на две тяжёлые пушки и на четыре кулеврины, – сразу ответил майор Фильшнер, проявляя

полную осведомлённость об артиллерийском парке барона.

– То есть на все, что у меня есть?

Эмиссар герцога только развёл руками.

В тот же день один из городских офицеров был отправлен со ста восьмьюдесятью талерами в город Ланн за майором Пруффом и его людьми, так как у Волкова в имении проживало мало артиллеристов. А на рынок Малена для покупки мерингов для сменных упряжек были отправлены молодые господа из выезда во главе с Хенриком. Уже следующим утром майор Дорфус с двумя сержантами стал собирать людей в Малене и окрестностях, полковник Брюнхвальд с изрядной частью серебра заехал в Эшбахт, нанял двенадцать сержантов и с ними отправился за реку, во Фринланд, собирать пехоту, а полковник Роха вернулся в Эшбахт за проживавшими в землях барона стрелками: мушкетёрами и аркебузирами. Деньги вроде были. Но это лишь казалось, что два сундука серебра – это много. Солдаты не любят воевать по холоду, в осенней и зимней грязи. Поэтому приходилось поднимать плату простого пехотинца, с половинным доспехом, до семи талеров, иначе не пошли бы. А уж про избалованных мушкетёров и говорить не приходилось.

– Я попробую уговорить мушкетёров на четырнадцать талеров, – вечером до отъезда обещал полковник Игнасио Роха, – аркебузир на двенадцать. Думаю, что согласятся. Мушкетёров будет человек двести и аркебузир человек двести-двести двадцать.

– Обнаглели они у вас, – вздыхал Фильшнер, выгребая из сундуков остатки серебра и начиная их пересчитывать. – Просят денег, как кавалеристы.

– Что ж делать, – не без гордости отвечал полковник мушкетёров, – мои парни нарасхват. Они знают себе цену, не раз доказывали её в бою.

– Хорошо, хорошо, – соглашался эmissар курфюрста, раскладывая серебро по мешкам, – будь по-вашему.

Для офицеров и сержантов, что занимались наймом солдат, это дело было крайне выгодным. Волков, в отличие от майора Фильшнера, знал, что четыреста двадцать стрелков на его земле не проживает. Вряд ли и четыре сотни солдат у него бы набралось. А ведь ещё и не все пойдут. Барон знал количество исправных мушкетов и аркебуз, он был уверен, что в лучшем случае Роха соберёт триста пятьдесят-триста шестьдесят человек. И половина из них будут не проверенные бойцы, а молодняк, позаимствовавший мушкеты и аркебузы у своих старших товарищей или отцов. А всю разницу, слегка поделившись с сержантами, Роха, конечно, положит себе в карман. Роха, Брюнхвальд, Дорфус... Что ни говори, а офицерские должности – прибыльные. И Волкову было не жалко денег герцога, пусть его люди подзаработают. Плохо, что ему от этого ничего не перепадёт. Сами офицеры ему не предложат, в их глазах он необыкновенный богатей, к чему ему эти мелочи. А просить он их, конечно, не станет. Хотя барон, в его удручающем финансовом положении, видит Бог,

не отказался бы и от ста жалких талеров.

А пока его офицеры разъехались вербовать солдат, он вызвал из Эшбахта своего родственника полковника Рене, и тот, с капитаном городской стражи и, конечно же, за счёт города Малена, разбил за городской стеной военный лагерь, куда стали потихоньку прибывать нанятые солдаты. Провиант, палатки, дрова и обоз последним серебром оплатил из своих сундуков эмиссар герцога майор Фильшнер.

Сам же генерал, отдав распоряжения, отправился во дворец Кёршнеров, где в его честь на следующий день хозяин дал обед и бал, на котором были первые люди города, кроме семейства Фейлингов, разумеется, которых и барон, и хозяин дома не любили. Был там с двумя своими детьми и Людвиг Вольфганг Кёршнер, муж покойной племянницы барона Урсулы, урождённой Видль, которая скончалась, не переся вторых родов. Барон просил хозяина посадить Людвига Вольфганга рядом с собой, был с ним особенно ласков, как и с его детьми, Карлом Георгом и Анной Амалией, коих Волков любил, так как считал всё это семейство своими близкими родственниками.

Как и всегда, обед у Кёршнеров был роскошен, а бал очень весел и долог, так долог, что ещё до полуночи пришлось менять музыкантов, потому что первые попросту выбились из сил. Уже к следующему вечеру барон получил от баронессы письмо, в котором та бранила его «холодным человеком» и «незаботливым мужем», так как он не позвал её к балу.

Волков отписал жене поутру, что, дескать, он хотел её звать на бал, но бал был так скоро устроен, что она не успела бы, а ещё дорога до Малена не очень хороша, поскольку размыта дождями, и её семимесячное бремя быстро ехать бы ей не позволило. Ещё писал, что на войну ехать не хочет, и что бал ему был скучен, и что хочет он домой, – надеясь, что это успокоит баронессу.

После поехал к епископу, с которым не успел поговорить на балу, а поговорить ему было о чём. Отец Семион и новоприбывший молодой брат Бенедикт уже не справлялись в маленькой церкви Эшбахта; даже когда брат Бенедикт вел службу в часовне, всё равно людей было избыточно. Ведь не только из разросшегося Эшбахта шли люди в церковь, уже и от Амбаров, что заметно выросли, шли к воскресной проповеди люди. А ещё мужики, что жили у полей вдоль реки, а ещё те, что стали селиться у строящегося замка. Тем вообще в церковь попасть было сложно, ведь из южных земель, особенно тех, что лежали вокруг замка, до Эшбахта пешком нужно было идти полдня. То есть целое воскресенье нужно было потратить на церковь. А во сколько нужно выйти, чтобы быть к проповеди? А попробуй походи, да ещё с детьми, да если муж ещё захочет заскочить в какой-нибудь из кабачков, что появились в господском селении. Вот и получалось, что иной мужик возвращался в свой дом уже аж в понедельник, уставший и в дурном духе. И как тут мужику работать? А на крещение, свадьбы и отпевание очереди были, и отец



Семион хоть и ходил в бархатной сутане и золотых перстнях, всё равно был такому делу не очень-то рад и жаловался, что с ног валится. Хотя частенько нетвёрд в ногах он был от то-кайского или полюбившегося ему белого рейнского, а не от служб и проповедей.

В общем, барону нужны были ещё два священника, ну, это ему епископ, его старый приятель, обещал легко. А ещё надобно было построить две новые церкви, на которые у барона денег не было и даже не предвиделось. И одну из них он пообещал самой госпоже Ланге, обещал построить её в Амбарах, недалеко от её дома. Она уже и место под кирху приискала, и архитектора нашла, который ей уже картинку будущей церкви нарисовал.

Бывший комиссар Святой Инквизиции брат Николас в былом, а нынче Его Преосвященство отец Бартоломей, епископ маленский, был, как говорится, на короткой ноге с генералом, так как помнил, кто его, безродного, сделал епископом. Он сразу принял барона, отложив все дела, и они прошли в личный кабинет святого отца для разговора. Там-то барон и изложил, вернее, повторил свою просьбу о постройке церквей в своей земле.

Епископ отнекиваться — дескать, нету у меня на то денег, — не стал. Все знали, что епископ маленский в Ребенрее если не второй по богатству поп, то уж точно третий. Городской кафедрал при нём засиял и новой удивительной лепниной, и великолепными витражами со сценами ада, назидательно

показанными местным грешникам, что о своих душах по лени или жадности не заботятся.

В общем, казна епископа была полна, деньги у него были, но весь вопрос был в том, что барон уже был должен святому отцу сорок две тысячи семьсот талеров по трём распискам. О чём отец Бартоломей не преминул, хоть и мягко, но напомнить барону.

– Так те деньги я не для себя прошу, – заметил ему на то Волков, – говорю же, иному мужику, чтобы попасть к воскресному причастию, нужно ещё в ночь выйти. И идти по темну со всей семьей. Туда да обратно.

– Так мне и не жалко денег на храмы, то дома Святой Матери Церкви, Божьей дома, где я почти всю свою жизнь проживаю. Я боюсь, друг мой, – без обиняков отвечал ему отец Бартоломей, – что вы деньги, на церковь полученные, себе в корысть обратите.

– Хорошо, не давайте мне этих денег, дайте их отцу Семиону, пусть он церкви построит, он знает как.

Барон ещё не договорил, а святой отец уже закатил глаза к небу и молитвенно сложил руки: Господи, спаси и сохрани. Видно, невысокого был начальник о своём подчинённом мнения.

– Есть ли среди ваших людей другой человек, праведный и честный, и в подобных делах расторопный? Праведный в первую очередь.

Волков подумал, и на ум ему никто не пришёл. Были лю-

ди типа Карла Брюнхвальда или Ёгана, которым можно было доверить деньги, но они были не очень хороши в делах, а праведности они были обычной. Были и праведные, как бывший монах брат Ипполит, но он был врачеватель, а не строитель. Только один человек был истинно верующим и разумным в делах и хозяйстве.

– А что же, госпожа Ланге вашим требованиям подошла бы, она истинно верующая, все посты и все праздники знает, в церкви в первых рядах и в делах очень дотошна. И ни крейцера себе от церковных денег не утаит.

Епископ вздохнул и ответил тихо:

– Знаю её, знаю, набожна и умна, – и добавил ещё тише: – Вот только детей во грехе зачинает. Как вы думаете, что мне из епархии от Его Высокопреосвященства отпишут на то, что я такой жене доверил деньги на постройку домов Божьих?

– Ну уж тогда не знаю, кого ещё предложить, – Волков даже немного расстроился.

А епископ заметил его расстройство и сказал:

– Ладно, езжайте на свою войну, друг мой, буду за вас молиться, а над делом вашим я подумаю, – и пастырской рукой благословил барона знаком святого распятия.

Волков, зная слово епископа, обрадовался и, поцеловав тому перстень с распятием, поехал во дворец Кёршнеров.

## Глава 3

Уже неделя минула, как барон собирал войска, когда к нему из Вильбурга явился гонец с повелением. Маршал писал ему вежливое письмо, а герцог приложил к нему печать, чтобы никто не сомневался в словах главнокомандующего. Смысл послания был таков:

«Немедля с теми людьми и средствами, что есть, выдвигайтесь к Фёренбургу; те нанятые, что ещё не подошли к вам, пусть идут туда же следом».

Хорошо, что он послал всю свою артиллерию на север, вперёд, заранее, за два дня до пришедшего повеления. Пруфф и его люди из Ланна к этому времени еще не успели. И пушки на север потащил молодой офицер Эрнст Хаазе, которого нанял и уже прислал в Мален Брюнхвальд как пехотного ротмистра. Но по прибытии в лагерь Хаазе в разговоре с генералом сказал, что знаком с пороховым делом и желает быть при пушках. Генерал не возражал. Майор Пруфф в деле пороховом тайн не ведал, но вот характер у него был не сахар. Однако с этим Волков уже научился обходиться, а вот то, что майор был уже изрядно немолод... Так что молодой и, кажется, смышлённый офицер, желающий быть при пушках, ему никак не помешал бы. И генерал решил поглядеть на него в деле и начал с трудного.

Пушки хороши на поле боя, а при осадах так без них и

вовсе не обойтись, но на поле боя и к стенам городов их нужно ещё доставить. Вот пусть и попробует. И Волков взял Хаазе в артиллерию вторым офицером на оклад ротмистра. И сразу поручил ему доставить пушки до Вильбурга. Пусть поймет, каково это быть артиллеристом, когда осенние дороги превратились в неглубокие канавы с холодной грязью. С ротмистром пошли одиннадцать артиллеристов, что проживали в Эшбахте, и двенадцать возниц с конюхами, которым приходилось присматривать за четырьмя десятками мерингов. Артиллерия – это только в малой доле расчёт углов и пороховых зарядов. В первую очередь артиллерия – это лошади и возницы, подводы и телеги с ядрами, картечью и бочонками пороха. Вот пусть и покажет себя молодой человек в тяжёлом деле.

\*\*\*

Наконец приехал Пруфф со своими артиллеристами.

– Друг мой, вы ранены? – генерал увидел майора Пруффа в своём шатре, встал и пошёл к нему навстречу.

– Ранен? – Пруфф, кажется, удивился, а потом взглянул на свою палку, на которую до этого опирался. – А, вы про это? Да нет, не ранен. Это всё от чёртовой сырости... Колени пухнут от дождей.

– Ну здравствуйте, – Волков обнял заметно постаревшего майора. У того и лицо стало другим. Щёки, и особенно нос, покрыло множество мелких сосудов.

А майор, едва освободившись от объятий, сразу перешёл

к делу:

– Я, признаться, не разглядел в лагере пушек, вы ещё не доставили их сюда, генерал?

– Думаю, что они уже на полпути к Вильбургу, – ответил Волков.

– На половине пути? К Вильбургу? – Пруфф был удивлён. – Позвольте полюбопытствовать: и кто же их туда везет?

– Я нанял офицера вам в помощь, он сказал, что знаком с пороховым делом, имя его Хаазе. Вот он их и повёз.

– Знаком с пороховым делом? – Пруфф презрительно поджал губы. – И сколько же ему лет?

– На вид лет двадцать, – ответил генерал.

– Двадцать! – воскликнул майор. – Ваша смелость, генерал, граничит с... безрассудством.

Волкову показалось, что Пруфф хотел сказать «с глупостью». Но всё-таки удержался в рамках вежливости.

– Присядьте, мой друг, – генерал усмехнулся, – не волнуйтесь вы так, ну не украдёт же он мои пушки, с ним одиннадцать моих людей.

– Не украдёт. Тут, возможно, вы и правы, но по таким дорогам он просто угробит лошадей, поломаёт оси и ступицы. Уж ремонт станется вам в копеечку.

– Присядьте, майор, – повторил Волков, видя, что тому непросто стоять, – Хаазе довезёт пушки, тем более что от Малена до Вильбурга дорога неплоха, везде на ней есть канавы и водоотводы. Довезет, не волнуйтесь.

– Нет уж, – Пруфф, по обыкновению своему, начал артачиться, – покормлю людей, да и поеду этому вашему бойкому ротмистру Хаазе вослед. Посмотрю на этого молодца, и на пушки, и на лошадок посмотрю.

Говорил он всё это с видимым недовольством, и Волков понял, что молодому ротмистру при встрече не поздоровится. Но, может, это и к лучшему.

«Ничего, ничего. Зато у Пруффа он многому научится, майор – человек, конечно, вздорный и неприятный, но дело своё знает».

В общем, то, что он отправил пушки и весь артиллерийский обоз заранее, было решением мудрым.

\*\*\*

После получения приказа, уже на следующий день, генерал выдвинулся к Вильбургу. Перед выходом Волков послал гонца к Брюнхвальду сообщить, чтобы он заканчивал найм людей и с теми, что уже наняты, выходил вслед за ним. И так как полковник шёл почти без обоза, то уже у Вильбурга он нагнал главные силы, и тогда возле столицы земли Ребенрее генерал смог провести смотр своих войск. А так как лагерь был недалеко от городской стены, то об этом узнал и сам герцог. Он с небольшой свитой приехал посмотреть набранных генералом солдат.

– Солдаты ваши, кажется, не очень хороши, – заметил Его Высочество, проезжая с генералом перед строем и вправду не очень хороших солдат. Доспех у многих был плох, и ору-

жие плохо. Выделялись только те солдаты, которые были наняты в Эшбахте. Эти были хороши. У большинства доспех на три четверти. Заметно, что опытные, настоящие ветераны, доппельзольдеры. Но таких не набралось и трёх сотен, так как денег, чтобы платить им двойную стоимость, не было. И скрашивали общую картину стрелки. Были они в хорошей одежде и крепкой обуви, все в кирасах, но не все в шлемах, у многих шляпы с заломанным полем. Бравые сержанты и ротмистры выделялись сине-белыми шарфами, а в начале строя высокий прапорщик Франк, в окружении охраны, держал великолепное бело-голубое полковое знамя с чёрным вороном. Перед стрелками гарцевали на дорогих конях суровый и одноногий полковник Роха со своей нечёсаной бородищей и два молодых капитана: Вилли Ланн и Руди Клейнер. Оба красавцы в дорогих кирасах, шляпах с перьями, в шарфах, перчатках и плащах.

Курфюрст остановился напротив Рохи и в ответ на снятые офицерами шляпы кивнул им.

Но недовольство сюзерена всё-таки проскальзывало в его голосе.

– И сколько же вы наняли людей, генерал?

В этом вопросе слышались вопросы другие: и это всё? Вот на это вы потратили кучу моего серебра?

– Тысячу триста шестьдесят пехотинцев и триста шестьдесят стрелков. Ещё около пятидесяти артиллеристов. Это не считая возниц и конюхов.



– И где же ваши пушки, генерал? – спросил курфюрст, снова оглядывая строй. – Я их не вижу.

– Я выслал орудия с обозом вперёд, чтобы они успели вовремя; дорога тяжёлая, тащить их придётся долго.

– Тем не менее..., – герцог опять осматривает солдат и замечает весьма флегматично: – Я рассчитывал на иные результаты.

«Господи, да какого же дьявола вы сюда припёрлись, Ваше Высочество?!».

И как Волкову ни было неприятно, но ему пришлось объяснять своему сеньору, почему людей меньше обычного:

– Осень, никто не хочет воевать в грязи, пришлось брать ценой, моим мушкетёрам пришлось платить по четырнадцать монет, чтобы они согласились, да и то пошли не все. Даю вам слово, монсеньор, что мне из ваших денег не перепало ни пфеннига.

Герцог поморщился и взглянул на Волкова: я вас умоляю.

И не поймёшь по его взгляду, чем он опять был недоволен. В общем, высочайшее лицо, прежде чем уехать, пригласило генерала к ужину. Но Волков сразу понял, что это всего-навсего знак вежливости, и, сославшись на дела, с благодарностью отказался. Его Высочество не настаивал.

– Вот и какого чёрта он тут смотрел? – спросил у Волкова Роха, когда тот подъехал к своим офицерам. – Что ему не сидится в своём дорожном доме с большими окнами?

– Думаю, что герцог хотел знать, на что пошли его день-

ги, – рассудительно предположил полковник Брюнхвальд. – Если я не ошибаюсь, он был не очень доволен увиденным.

– Именно так, – выразительно произнёс генерал, как бы намекая полковникам на то, что если бы в их карманах осталось меньше серебра, солдат, скорее всего, перед герцогом сейчас стояло бы и побольше.

Роха на это ничего не ответил, а, поклонившись, поехал к своим стрелкам. А Волков и Брюнхвальд пошли в палатку, посчитать, хватит ли оплаченной из казны герцога провизии набранным солдатам на месяц.

Вечером ему принесли письмо. Писала ему графиня фон Мален, она приглашала его на ужин к себе. Он бы, может быть, и был бы рад её увидеть, но попасться на глаза герцогу в его дворце после того, как отказался с ним ужинать, Волков не хотел. Поэтому отказал и графине.

«На обратном пути обязательно заеду к вам, дорогая сестрица», – обещал генерал, даже не думая о том, что с этой войны он может и не вернуться.

\*\*\*

Холод стоял вовсе не ноябрьский, когда его войско подошло к селенью Гернсхайм. Над селом, уносимый на юг ветром, стелился серый печной дым. Почти все дома селения топили печи.

Генерал выглянул из окна тёплой кареты и жестом подозвал к себе Брюнхвальда-младшего.

– Максимилиан, пошлите кого-нибудь в деревню, пусть

найдут мне дом поприличнее, не хочу спать в шатре.

– Распоряжусь немедленно.

В низине, на юг от деревни, на жухлой мокрой траве паслись сотни лошадей, а чуть севернее, у самых первых домов села, был разбит большой лагерь, над которым ветер рвал два больших стяга. Один из них был знаменем герцога, второй – знаменем маршала Дитриха Альберта цу Коппенхаузена.

– Хенрик!

– Да, генерал.

Волкову не хотелось въезжать в лагерь в карете.

– Подайте коня.

## Глава 4

Голова Дитриха Альберта цу Коппенхаузена поседела в походах и осадах, и его борода была седой, но впечатления старика он не производил. Маршал имел крепкую фигуру и в движениях своих и в мыслях был уверен и бодр. При дворе курфюрста он появился не очень давно, всего пару лет назад, но его авторитет был настолько высок, что даже своенравный герцог не оспаривал его решений. Волкова он расположил к себе уважительным отношением и вниманием к его победам. Маршал не раз во время приёмов отводил барона в сторону и долго расспрашивал его о том, как он воевал с горцами и как с мужиками. Казалось бы, эка невидаль – побить глупых мужиков, но и про это деяние цу Коппенхаузен хотел знать всё, включая мелочи. И в этот раз маршал принял Волкова сразу и заговорил с ним, едва генерал появился на пороге в маршальской палатке, тоном приятельским, без чинов:

– А, барон, входите, входите. Вот, садитесь сюда, подле меня. К огню. Поближе.

А барон, прежде чем сесть, с поклоном передал маршалу бумагу, в которой были точно указаны все приведённые им силы.

Маршал даже не взглянул в бумагу, бросил её на стол и крикнул лакеям, что были у палатки: – Эй, лентяи, несите генералу горячего вина с мёдом и корицей!

И пока слуги приносили Волкову вина, цу Коппенхаузен сразу перешёл к делу:

– Места в лагере для ваших людей нет, болван Видльгоф, по моему недосмотру, расположил лагерь тут, у дороги, со-славшись на то, что у реки слишком топкая почва. И тут ещё вчера были выпиты все колодцы, нужники не выкопаны, лошадей мы, конечно, водим к реке, но ленивые солдаты до реки ходить не хотят, черпают воду из луж. А вчера ещё приехал ваш артиллерист... Майор... Не помню, как его звать.

– Майор Пруфф, – напомнил ему Волков.

– Именно, именно Пруфф... Он задирист, ваш старик. Потребовал от коменданта место для своих людей и пушек... И лошадей.

Барон согласно кивнул и улыбнулся: да, он такой.

– А Видльгоф, – продолжал маршал, – неправильно рассчитал место под лагерь; в общем, людей его мы приютили, а пушкам и лошадям тут места нет. Они за рвом.

– То есть и моим людям в лагере места не найдётся? – Волков начинал понимать, к чему клонит цу Коппенхаузен. Такое иной раз случалось, последним прибывшим отрядам в небольшом лагере за частоколом и рвом места могло и не хватить.

– У нас свободных палаток на пятьсот человек, но ни подвод, ни лошадей мы в лагерь уже не втиснем, – говорил маршал.

– Тогда мне придётся разбить свой лагерь, – уже догады-

вался барон фон Рабенбург.

— О том и хотел я вас просить, — продолжал цу Коппенхаузен. — Тем более, что в постановке лагерей вы толк знаете, уж вы не чета Видльгофу. Прошу вас поставить лагерь..., — кажется, маршал задумался, — севернее села. Место выберите сами.

— Севернее? Как вам будет угодно, господин маршал.

— Мерзавцы сейчас в трёх днях пути отсюда, дороги плохи, может, за три дня и не дойдут. Вы же сможете поставить лагерь за три дня, барон?

— Разумеется, — Волков допил своё вкусное вино и встал, — хочу приступить немедленно к поиску хорошего места.

Маршал тоже встал.

— Пятьсот солдат можете оставить тут, а я вам для ускорения работ дам сто тридцать сапёров, — предложил он.

— Благодарю вас, господин маршал, — Волков поклонился, — сапёры будут очень кстати.

Он вышел из шатра и сразу заговорил со своими офицерами:

— Господа, нам придётся ставить свой лагерь. Маршал даст нам палаток в этом лагере всего на пять сотен людей.

— Очень жаль, — заметил майор Дорфус. — Люди еле волокут ноги.

— Да-да, — генерал не по-доброму на него взглянул. — Все промокли, им бы поесть и отдохнуть, в тепле да с пивом. Но не получится. Может, это даже и к лучшему.

– Почему? – удивился Рене.

– Потому что в лагере бардак, колодцы в селе выпиты, воду от реки не привозят, люди пьют из луж. Нужники не выкопаны, хотя сапёры есть, – размышлял генерал. – Карл, – он повернулся к Брюнхвальду, – отберите пять сотен людей, они останутся тут, посмотрите, что за места и что за палатки им отведены, проследите, чтобы их сегодня же накормили, и скажите офицерам, чтобы настрого запретили своим людям пить из луж. И когда пойдёте за нами, захватите сапёров, маршал пообещал нам сапёров сто тридцать человек.

– Будет исполнено, генерал, – отвечал Брюнхвальд.

– Полковник Рене, – продолжал Волков, – как только Карл отберёт людей, что останутся тут, вы возглавите колонну. Ведите её на север через деревню.

– Да, мой генерал, – отвечал полковник.

– Дорфус, вы поедете со мной смотреть место под лагерь.

– А где вы хотите его поставить? – поинтересовался Брюнхвальд.

– Маршал просил поставить его севернее села, – ответил барон.

– Сдаётся мне, маршал хочет выставить нас аванпостом, – заметил Карл Брюнхвальд.

Эта мысль и Волкову приходила в голову, и он ответил:

– Поэтому лагерь нужно поставить добрый. Найти хорошее место, чтобы Роха мог развернуть хотя бы часть своих стрелков в линии, и чтобы было место для пушек. В общем,

господа, займитесь своими делами, я поехал посмотреть, где можно встать.

\*\*\*

А место долго искать не пришлось; сразу за Гернсхаймом, на выезде из села, и нашлось именно такое место, какое было ему надобно. То были два пологих холма, что тянулись как раз между дорогой и рекой. Волков направился к тем холмам, его офицеры и выезд последовали за ним.

Он въехал на холм и, несмотря на полившийся с неба дождь, снял подшлемник и осмотрелся. Да, это было то, что нужно. До реки двести шагов, холмы длинные, тянутся с севера на юг. Вернее, то были и не совсем холмы, скорее это был высокий берег, с которого открывались все поля, перелески и река.

– Майор Пруфф будет доволен, – заметил майор Дорфус, глядя во все стороны.

– Прекрасное место, – Волков сразу стал намечать нужные ему фортификации. – Холмы хороши, но укрепления не помешают. Там, – он указал на пологое окончание холма на севере, – поставьте сплошной палисад. Вдруг по полю пойдёт пехота.

– Ставить его до воды? – уточнил Дорфус.

– То излишне, только под холмом. Если протиснутся по берегу, мы отобьёмся, – отвечал Волков. И указывал рукой на восток: – А вот вдоль дороги набейте хороших кольев через шаг, за ними поставьте рогатки, – потом указал на се-



верный холм: – Как подойдут сапёры, пусть срежут макушку холма, но как это сделать, лучше будет спросить у Пруффа, ему лучше знать, как пушки поставить. Кулеврины же поставить нужно будет здесь, с востока, над рогатками, чтобы они простреливали всё поле за дорогой. Нужные ямы рыть на юге, ближе к дороге и к селу, вон там. Палатки разбивать с западной стороны холмов, у реки. Обоз заводить туда же, лошадей поставим к тому леску на юге.

Что ж, если маршал и вправду решил выставить его отряд в виде аванпоста, то он собирался отнестись к этому серьёзно и укрепиться как следует.

– Нужны ли палисады с юга? – уточнял Дорфус.

– Нет, там село, дома, там хорошую баталию не построить, да и колонне там не развернуться толком, всё в кучу собьётся. Главное – это север и дорога, – закончил отдавать распоряжения генерал.

Он уже достаточно проголодался и послал человека разыскать своих слуг, а пока искали слуг, приехал Хенрик с двумя молодыми господами и доложил:

– Мой генерал, во всей деревне нет ни одного приличного дома, который не был бы занят.

– Неужели нет никакого достойного жилья? – раздосадованно спрашивал Волков; ему не верилось в это и очень не хотелось жить в шатре у реки, на ветру, а значит, в сырости, от которой нога снова начнёт его изводить.

– Не то что достойного, даже в домах совсем простых му-

жиков – и то стоят господа офицеры. Пустых нашли всего два дома, в одном живёт слепая старуха с дочерью, так там печь не топят, а в другом ребёнок весь в красных пятнах, орёт не переставая. Других пустых домов не нашли.

Волков был недоволен, что эти господа не нашли ему достойного приюта – как так: село большое, на полторы сотни домов, наверное, – и потому произнёс с укоризной:

– Так хоть Гюнтера найдите и помогите ему разбить шатёр. И скажите, чтобы позаботился о грелках для ноги и ужине.

Сам генерал поехал к Дорфусу, который встретил пришедшего Рене с колонной солдат и распределял меж капитанов приказы генерала. Тут присутствие генерала было желательно, капитаны, как это принято, начали говорить, что земляные работы после длительного марша обозлят солдат, но Волков был непреклонен: начать дело немедленно. И был в своей настойчивости прав, так как приехавший из ставки Брюнхвальд сообщил ему, что сапёров, обещанных маршалом, сегодня не будет, они оказались заняты. А будут они завтра. Ну, это даже и не разозлило генерала. Он лишь махнул рукой: везде одно и то же.

Хенрик с Гюнтером не придумали ничего лучше, как поставить шатёр на вершине второго холма, чтобы шатёр было видно и с полей за селом, и с реки. Но теперь полотно стенок непрестанно трепал ледяной ветер, рвал шатёр, пытаясь сорвать его с верёвок. Дураки. Но генерал уже изрядно про-

мёрз и не стал заставлять их переставлять шатёр.

Едва шатёр был разбит, Гюнтер сразу стал придумывать ужин, а молодой помощник Гюнтера Томас принёс в шатёр жаровню и вино. Волков смог вытянуть ногу к теплу и выпить вина. И ему сразу стало лучше. А после трапезы, которая была и обедом, и ужином, Гюнтер и Томас разложили кровать и принесли перины.

Уже начинало темнеть, и он завалился в постель. Ещё стучали топоры под холмом, ветер не унимался, шатёр ходил ходуном, но под перинами было тепло, а звуки не мешали ему заснуть.

\*\*\*

Утром, едва рассвело, солдаты варили горох, и он сам ещё не позавтракал, а к нему уже один из сержантов привел местного мужика. Мужик рыбачил – в такой-то холод – на реке, и когда вернулся, рассказал его солдатам, что за поворотом, за изгибом реки, появились баржи, которых вчера не было.

– Много? – спросил генерал.

– В темноте-то я не шибко разглядел их, да и разглядывать мне было некогда, я сеть снимал, но, кажись, штуки три к берегу пристали. А может, и больше, огни на воде вроде горели, а сколько, я не считал.

– Хорошо, что пришёл и рассказал, – произнёс генерал и дал мужику двадцать крейцеров. А когда того выпроводили из шатра, просил Максимилиана позвать к нему майора Дорфуса.

Майор, как и положено разведчику, уже был в курсе этой новости. Он сказал Волкову, что уже собирает рекогносцировку, которую возглавит лично.

После завтрака генерал решил осмотреть то, что сделали вчера. Кое-что, конечно, сделали, например, нарубили дерева для палисадов, но он посчитал, что мало. И так как Дорфус уехал, он назначил ответственным за укрепления Рене.

Дорфус вернулся уже через час и, собрав старших офицеров в шатер Волкова, сообщил им:

– Господа, за поворотом реки стоят баржи. И это не торговцы. Баржи под флагами, и чуть дальше, у Бибесхайма, я видел мачты галер.

– Дьявол, – выругался Волков, – маршал уверял меня, что безбожники придут сюда через три, а может, и четыре дня.

– Господин генерал, – заговорил Максимилиан Брюнхвальд, на правах адъютанта присутствующий на совете, – если позволите...

– Что, прапорщик? Говорите, – разрешил Волков.

– Я бы мог с небольшим отрядом, человек в двести солдат и сотню стрелков, пройти до Бибесхайма и попытаться сжечь пару барж, – предложил Максимилиан. Он и сам чувствовал, что его план немного авантюрен, поэтому добавил: – Ведь может и получиться, от неожиданности. Вдруг они не готовы или не знают, что мы рядом?

– Успех такого деяния весьма сомнителен, – вместо генерала ответил ему Дорфус. – Мы встретили их конный разь-

езд за леском, что у реки; они вас обнаружат до того, как вы подойдёте к баржам.

– Уже и разъезды их тут, – генерал поморщился и снова выругался. – Дьявол, ну хоть бы раз всё получилось так, как планировалось! – он обратился к полковнику Рене: – Полковник, надеюсь, вы понимаете, как нам нужны палисады на северном склоне холма и рогатки с кольями у дороги?

Рене молча взял свой шлем под мышку, поклонился генералу и вышел из шатра.

– Полковник Роха, я не видел здесь ни одного нашего разъезда, маршал всё ещё думает, что враг далеко. Так что выделите тридцать человек, выберите десять аркебузиров с хорошими сержантами, прибавьте к ним два десятка пехотинцев и выставьте один секрет в леске у реки и два дозора, один у дороги на Бибесхайм, другой восточнее, где-нибудь в поле, – распорядился Волков. – Я не хочу выйти из шатра и увидеть колонны еретиков у своего лагеря.

– Я всё устрою, – обещал Роха. – Незамеченными не подойдут.

– Майор Дорфус, прошу вас, попытайтесь выяснить, сколько безбожников пришло с баржами; если их много и они решат навалиться на нас, тут, боюсь, наш расторопный маршал не успеет и колонну нам в помощь выслать.

– Я поищу смышлёных мужичков в деревне, найду и отправлю их с каким-нибудь сеном в Бибесхайм, к вечеру, думаю, будем что-нибудь знать, – пообещал майор и тоже ушёл.

– Карл, – теперь Волков обратился к полковнику Брюнхвальду. – Езжайте в ставку немедленно. Сообщите маршалу, что в Бибесхайме уже стоят баржи и галеры безбожников. Скажите, что мы уже столкнулись с их разездом. И убедительно просите его дать нам обещанных сапёров.

– Еду, – коротко отвечал Брюнхвальд и поклонился.

Но Волков остановил его у выхода:

– Карл.

– Слушаю.

– Найдите Пруффа, – Волков не хотел оставлять свою артиллерию в ставке. – Пусть тащит пушки сюда. Мне так будет спокойнее.

## Глава 5

Хоть до главного лагеря было совсем недалеко, Брюнхвальд вернулся нескоро.

– Маршал долго не принимал меня, – рассказывал он, и, судя по выражению его лица, настроение у него было нехорошее. – Зато разговор у меня с ним вышел быстрый. В общем, когда я рассказал ему о том, что еретики уже пришли, он сказал, что сапёров теперь дать не может. Теперь они ему очень нужны. Он так и сказал «очень».

– Какая прелесть, – едко заметил генерал. – Всё как обычно.

– А ещё он попросил, – продолжал полковник, – срочно выяснить, с какими силами пришли еретики, сколько у них кавалерии, сколько пушек. Пришёл ли с ними ван дер Пильс.

Генерал сидел мрачный. Положив ногу на пуфик перед собой, он, сам того не замечая, разминал больное место над коленом. И ничего не отвечал своему товарищу. А Брюнхвальд продолжал портить ему настроение:

– А ещё он запретил нам забирать наши пушки.

– Что? – вот это было уже слишком. – Какого дьявола? Это мои пушки, лично мои!

– Он просил вас быть на совете к вечеру, там он с вами и с другими генералами и офицерами обсудит, где их поставить.

– Значит, запретил? – Волков как будто ничего не слышал

про совет. — Карл, отправьте кого-нибудь к Пруффу, пусть он сюда привезёт артиллерийский обоз.

— Обоз? — не понял полковник.

— Обоз, Карл, обоз, — чуть раздражённо говорил генерал, — это мой порох, мои ядра, моя картечь... Маршал решил оставить себе мои пушки, но про мой обоз он ведь никаких распоряжений не давал. Так пусть Пруфф привезёт всё сюда. Отправьте к нему человека с моим распоряжением.

— Да, я понял, — наконец произнёс Брюнхвальд. — А что будем делать с разведкой? Нужно кого-то отправить поглядеть на еретиков?

— Об этом не волнуйтесь, Дорфус уже занимается этим.

— Дорфус? Ну, тогда я спокоен.

— Карл, Рене занимается укреплением лагеря, помогите ему; кажется, дело предстоит нам нешуточное.

Полковник ничего ему не ответил, он лишь покивал головой: да уж, какие тут шутки. И вышел.

Волков стал одеваться, он решил пока не надевать весь доспех, и Максимилиан с фон Готтом помогали ему закрепить кирасу, когда пришёл Хенрик и сказал:

— Господин генерал, к вам человек.

— Что за человек? — уточнил Волков. Хотя по тону молодого офицера было ясно, что человек не Бог весть какой.

— Из местных.

— Просите, — генерал сел в кресло, и Томас стал помогать ему надевать сапоги.



Вошёл мужичок... как и сказал Хенрик, «из местных». Он поклонился генералу.

– Кто вы такой и что вам угодно? – спросил Волков.

– Я староста Гернсхайма, моё имя Раух.

– И чем я могу вам помочь? – отвечал генерал, не соизволив назваться сам.

– Я по поводу леса.

– Леса?

– Ваши солдаты рубят весь лес, что у холмов, за домами.

– Так разве ж это лес? – Волков даже усмехнулся. – Горбыли да кривулины. Лишь на колья такой и годен.

– Ну, какой есть, – разводил руками староста, – мы его не трогали, только хворост да сухостой брали. Берегли его.

– Я всё понял, вы хотите денег, так вот что я вам скажу: я и мои люди тут не по своей воле, а по воле Его Высочества курфюрста Ребенрее, и лес ваш я рублю не для себя, так что, если вы хотите денег за свой лес, шлите счета ему.

– Ну понятно, – староста тяжело вздыхал, осознавая, что ничего он за порубленный лес не получит.

– А вот говядину или свинину для стола моих офицеров я купить у вас могу, привозите, – хотел хоть как-то подбодрить расстроенного мужичка генерал. – Или, может, у вас сыр есть хороший, старый, или пиво?

– Так пиво и сыр, свинину и всё мясо с курицей у нас уже другие офицеры скупил. Всё забрали, – сообщает тот и опять спрашивает: – Так что же делать с лесом?

Генерал только махнул рукой: гоните его отсюда. после чего староста был из шатра провожен.

\*\*\*

Всё переменялось сразу. Едва он вышел из шатра, как с вершины холма увидел конный отряд из дюжины всадников, выезжавший из села. Разъезд шёл на север.

«О, ну хоть что-то. Маршал, кажется, оживился».

И в том, что это так, он убедился буквально тут же, когда увидел группу офицеров Его Высочества, которая также выехала из Гернсхайма и поехала в поля за селом.

На холм к генералу поднялся его друг. На пронизывающем ветру Брюнхвальд стоял без шапки, шлем держал под мышкой, подшлемник засунул за пояс. Ни усталость, ни холод не брали этого уже немолодого полковника. Одного взгляда хватило ему, чтобы вынести суждение:

– Офицеры выехали. Кажется, маршал решил дать сражение безбожникам прямо тут. На этих полях, под Гернсхаймом.

– Кажется, так, – согласился со своим другом генерал.

– А что, место хорошее, с левого фланга будет река и наш лагерь, тут есть на что опереться, в центре неплохие холмы. Там тоже можно крепко встать. Если ещё и с пушками...

Волков неодобрительно взглянул на полковника: только не с моими. А Карл едва заметно усмехнулся и продолжал, указывая рукой:

– Единственное слабое место – это восточная дорога, пра-

вый фланг, но там бы я поставил солдат получше и собрал бы там всю нашу кавалерию. Думаю, и ван дер Пильс поставит там своих конников.

Да, всё, что говорил Брюнхвальд, было правильным. И тут, и в центре, позиция была для боя хороша. Вот только генерала это ничуть не радовало.

– Я был при трёх больших делах, – мрачно заметил он, – и во всех случаях позиция была неплоха.

– И что? – Брюнхвальду было интересно, чем закончились сражения.

– В первом по мне проехался рейтар, и мы были разгромлены. Во втором крупном деле, у Озера Боло, я еле вытащил герцога из свалки, и мы опять были разгромлены. Но мне подарили меч. А третье... Если бы мне случайно не попался конь, всадник которого куда-то делся, я бы тут с вами не стоял, Карл.

– Да, большое сражение – это дело неопределённое, – согласился с ним Брюнхвальд.

– Божий суд, – подтвердил Волков. – А что там с укреплениями, Карл? Как дела у Рене?

– Дело движется, генерал. Рене как следует накрутил хвост нерадивым капитанам, и те заставили солдат шевелиться. Я как раз пришёл за вами, чтобы съездить к северному холму осмотреть палисады. Они готовы. Может, вы поглядите и заметите то, что ещё желательно сделать или улучшить?

Пруфф привёл в его лагерь обоз с порохом и ядрами. У Волкова как раз поспел обед. Он пригласил майора и других старших офицеров пообедать, а заодно и поговорить о намечающемся деле. На обеде не было лишь майора Дорфуса, хотя генерал за ним посылал. Рене, Брюнхвальд и Роха ничего особенного ему и не сказали. Что? Маршал решил дать тут сражение? Ну что ж... Хорошо, что мы укрепили лагерь. Ничего более. Профессиональное спокойствие и вопросы по делу. Для того сюда и пришли. Люди поседели в войнах, волнения или какого-то огня от них ждать не следовало. И главный вопрос, который их волновал: сколько пришло безбожников? Хотя бы приблизительно.

– Это сейчас выясняет Дорфус, – отвечал генерал.

Дорфус же появился только ближе к вечеру и отчитался:

– Ещё до полудня я нашёл одного смышлёного мужичка из местных. За пять талеров он согласился съездить в Бибесхайм и посмотреть, сколько там еретиков. Повёз сено для отвода глаз и для того же взял ещё сына. Вернуться должен был часа через три. Но так и не вернулся.

– Схвачен?

– Возможно, схвачен, а если схвачен, то уже и повешен как шпион.

Такое случалось: если уж меж двух армий тебя, не дай Бог, заподозрили в том, что ты шпион, тебе несдобровать.

– Отправьте человека к маршалу, чтобы не ждал сегодня от нас вестей о еретиках.

Вестовой вернулся и передал генералу разочарование маршала.

Волкова так и подмывало сказать вслух, чтобы маршал катился к дьяволу со своим разочарованием. Но так как с ним были молодые господа из выезда, этого он делать не стал. Сдержался.

\*\*\*

А поутру ему повезло. Ещё и не рассвело, когда разъезд еретиков из двух десятков всадников погнался за разъездом кавалеристов герцога Ребенрее и в пылу погони слишком близко подскочил к леску, в котором таился секрет из десяти аркебузирова и двух десятков солдат, выставленных Рохой. То ли от холода люди не спали, то ли потому, что сержант был там хороший, но солдаты не проворонили вражеских кавалеристов. И когда те скакали мимо леска, аркебузиры дали залп. Ещё не рассвело, и в холодном воздухе, в поле, висел жиденький туман, но залп получился. Пехотинцы и стрелки радостно закричали, увидав, что у врага две лошади были побиты пулями. Еретики поняли, что врагов в леске много, тут же развернулись и поскакали прочь, не дожидаясь второго залпа, но не все. Те, у кого были убиты лошади, убежать не успели. Один безбожник, надумавший выхватить оружие, тут же был поколот копьями и алебардами. Второго тоже хотели поколоть, но сержант дело своё знал, не дал убить его и взял несчастного в плен. И отправил пленного к генералу. Чем несказанно обрадовал того.

Пленного привели по ледяной земле без сапог, только в рубахе и шосссах, к тому же избитого в кровь, еретик всё-таки, но даже за такого генерал сразу выдал награду – пять талеров – когда того втолкнули ему в шатёр.

– Гюнтер, – распорядился генерал, глядя на несчастного молодого человека, – дай-ка господину еретику горячего вина.

Последнее время среди людей благородных, даже людей совсем не старых, появилась мода на бородки. То были не те стариковские бороды, что носили патриархи ереси, вроде верного слуги сатаны Кальвина, а бороды небольшие, аккуратно стриженные. Вот и пленный носил такую, а кроме того, носил он и очень неплохого сукна рубаху, и Волков угадал, что этот человек был из людей благородных.

Пленный принял стакан с достоинством, в его глазах не было страха, он даже отсалютовал стаканом генералу, прежде чем выпить: ваше здоровье! Пока пил, пришли и просили дозволения присутствовать на допросе Брюнхвальд и Роха. Дорфус, само собой, был уже в шатре. Уже сидел с пером над чернилами и бумагой, готовый записывать. Прибывшие господа офицеры расселись. Тоже взяли у слуг вина.

– Вы, еретики, в ярости своей весьма упорны, – начал Волков, когда пленный допил вино, – отвечайте, звать ли мне палачей, чтобы срезали с вас кожу, или обойдёмся в беседе без них?

– Палачи нам не понадобятся, – сразу отвечал молодой

человек. – Только позвольте мне задать пару вопросов перед тем, как я начну отвечать на ваши.

– Задавайте свои вопросы, – дозволил Волков.

## Глава 6

– Моё имя Мориц Ригсфельде, не соблаговолите ли вы назвать своё, генерал?

– Фолькоф фон Рабенбург, – коротко ответил генерал.

– Откуда у вас этот шатёр? Он ведь не ваш; судя по знамени у шатра, ваши цвета серебро с глазурию, а шатёр – пурпур и золото.

– Хм, – Волков усмехнулся. – Его я взял в бою. В городе Фёренбурге. Лет шесть или семь назад. А почему вас это заинтересовало?

– Просто праздное любопытство, – отвечал молодой человек с поклоном. – Ну что ж, теперь задавайте ваши вопросы, генерал.

Этот Мориц Ригсфельде не запирался и отвечал со знанием дела. Когда говорил, что чего-то не знает, так офицеры верили ему. Был он сам из Гаасенских кирасиров, там, в Гаасене и окрестностях, набрали их триста семьдесят человек. Потом взяли ещё около сотни. Командовали полком полковник Войдер и первый капитан ван Хюмм. Кавалерии в войске ещё два полка. Не считая рыцарей. Сколько тех, он не знает. Сколько всего человек в войске, он может судить приблизительно. Десять тысяч. Врал, наверное, или привирал. Генералов было... кажется, пять. Возможно, и не врал. Сколько пушек, он точно сказать не мог, но сам видел, что



их грузили на баржи. И те пушки были немалые, хотя и малых было изрядно.

Ригсфельде мог врать. Он конечно же, мог врать, но если он не врал... Десять тысяч человек, из которых полторы тысячи кавалерии, не считая рыцарей. Ещё и пушки.

– Все ли части подошли, или ван дер Пильс ждёт ещё кого-то? – спрашивал генерал.

– Если и ждёт, то только кавалерию и баржи с пушками, он желает начать дело быстрее, боится, что к вам подойдёт подкрепление, – отвечал пленный. И это было похоже на правду.

– А сколько у вас стрелков? Мушкетёры у вас есть? Аркебузиры? – интересовался Роха.

– Есть, но не во множестве, – отвечал пленный. – Сколько точно, сказать не могу. И арбалетчики есть. А вот их немало.

Роха слушал и хмурился, кавалеристы и арбалетчики – злейшие враги стрелков. А и тех, и других в армии еретиков было, кажется, предостаточно.

Потом свои вопросы стал задавать майор Дорфус. Уж он, конечно, знал, что спрашивать. Спрашивал про количество палаток и обозных телег, про баржи и галеры, интересовался именами генералов, но пленник на эти вопросы почти ничего не мог ответить. Или отвечать не хотел. Тем не менее, Волков приказал дать ему ещё один стакан вина, а также просил Гюнтера найти пленнику обувь и какой-нибудь плащ. И уже после того, как одежда и обувь были найдены, Морица Ригсфельде отправили под добрым конвоем в ставку маршала.

Конвойный сержант вернулся из главного лагеря и передал Волкову благодарность маршала.

– Ну, хоть тут угодил, – негромко на это отвечал барон.

А до обеда всё и завязалось. Ещё не сел он за стол, как прибежал взволнованный солдат и сообщил:

– Сержант велел сказать: пехотная колонна человек двести идёт с севера, прямо вдоль реки, по полю, не по дороге, а с нею человек тридцать арбалетчиков. Идут прямо на наш секрет. А ещё идёт отряд конницы, но те вдалеке, на восточной дороге.

Солдат был молодой, поэтому и волновался; генерал и майор Дорфус переглянулись, и майор сказал:

– Хотят сбить наши заставы и раскрыть секреты.

И он был прав. То для войны было делом обычным. Сбить заставы противника с хорошего места, откуда удобно вести дозор, чтобы поставить там своих людей. Заодно раскрыть секреты, чтобы избежать таких неприятностей, как сегодняшнее попадание разъезда в засаду, да ещё с досадным пленением благородного человека. Для того ван дер Пильс и выслал этот отряд.

– Вот и началось, – Волков не стал обедать, – Хенрик, давайте доспех, быстро, – и он обратился к вестовому: – Ты беги к своему сержанту со всех ног. Пусть и не думает драться, пусть из леска бежит.

Волков не хотел, чтобы люди из секрета были побиты или пленены, так как в плену у еретиков их не ждало ничего хо-

рошего.

– Лучше отправить туда верхового, – посоветовал Дорфус.

– Верно, – согласился генерал, – Максимилиан, вы тут?

– Да, генерал, – отозвался молодой Брюнхвальд, входя в шатёр.

– Быстро отправьте кого-нибудь из молодых господ в лесок, к секрету, пусть солдаты уходят оттуда и из застав в поле тоже. К ним идёт пехотная колонна с кавалерией.

– Нашим людям отойти? Мы отдадим безбожникам заставы? – чуть удивлённо уточнил Максимилиан.

– Ничего мы им не отдадим, – говорил генерал, – просто им нужно отойти, пока мы не отгоним противника, – нравоучительно отвечал он и тут же крикнул: – Хенрик, так где мой доспех?!

– Может, я смогу справиться с этим сам? – предложил Дорфус.

Но Волков не согласился. Может, майор и хорош в делах разведки, и даже в штабных делах, но каков он в простом воинском деле, генерал не знал. Да и не хотел он перепоручать первую встречу с врагом кому-нибудь другому. Тем более, что Хенрик с фон Готтом и фон Флюгеном уже открыли ящик с доспехами и доставали их оттуда.

– Нет, я поеду сам; вы лучше попросите Брюнхвальда и Роху, чтобы выбрали мне хороших людей. Три сотни пехоты и сотню стрелков. И просите Брюнхвальда, чтобы взял пехотинцев из моей земли. И чтобы капитан был наш.

Ветер так и не стихал, а как он выехал из лагеря, так ещё пошёл и дождь. Но генерал, глядя на большое, в перелесках, поле перед собой, радовался дождю.

«Хорошо, хорошо. Земля и так мокрая, копыта у коней вязнут, а дождь ещё добавит воды. Если мы поставим нашу центральную баталию на холмах, что у деревни, так пехота еретиков дойдёт до неё нескоро. Подойдёт несвежая, уставшая, изрядно прореженная артиллерией. А потом им ещё придётся лезть на холм, на наши пики. Так что пусть идёт дождь. Лишь бы он не пошёл во время дела. Чтобы артиллеристам и мушкетёрам не пришлось прятать от воды порох».

Барон незаметно перекрестился. И из-под забрала стал вглядываться в серую, сырую пелену, что покрывала окрестности.

– Вон они, – указал Максимилиан. – Наши бегут.

Мальчишка фон Флюген без разрешения поскакал им навстречу. Волков поджал недовольно губы, а после сказал:

– Хенрик, друг мой, будьте любезны, найдите наконец время разъяснить господину фон Флюгену, что мы на войне. И его катания без приказа неуместны.

Конечно, Хенрик понял, что генерал недоволен вовсе не недорослем Флюгеном, а именно им, и ответил:

– Извините, господин генерал, – сказал он. – Я обязательно ему всё объясню.

Волкову вовсе не хотелось бы, чтобы мальчишка погиб не за грош, нарвавшись на болт арбалетчика, притаившегося

где-нибудь в кустах, или на мушкетную пулю – либо, что ещё хуже, попался в плен конному разъезду еретиков.

А из лагеря донёсся через дождь чуть хриплый звук трубы: «колонна, вперёд», «колонна, вперёд», «колонна, вперёд», и тут же застучали «средний шаг» барабаны.

К генералу подъехал полковник Роха и, поглядев на низкое небо из-под своей старой шляпы, сказал:

– Сатана помогает своим ублюдкам... От нас толку не будет, мы даже порох на полки мушкетов не выложим при таком-то дожде.

Но стрелять ему не пришлось: еретики, увидав, что им навстречу вышло больше людей, чем у них, тут же развернулись и пошли обратно к лескам, что тянулись вдоль течения реки. Только кавалеристы еретиков – а их было человек сорок, – которые поначалу были почти в миле от генерала, осмелились подъехать ближе. Так близко, что стали разглядывать Волкова и его людей. При генерале было всего два десятка всадников, вот враг и наглед.

– Коты Люцифера, куражатся! – злился Роха такой их наглости и кричал своим подошедшим уже людям: – Эй, ребята, полталера тому, кто сможет хотя бы выстрелить по ним!

Желающие, конечно, нашлись. Сразу несколько мушкетёров – аркебузы до всадников врага не достали бы – вышли вперед; они под плащами, пряча стволы от холодных капель, заряжали мушкеты и по готовности клали их на упоры, а товарищи этих стрелков накрывали порох на запальных пол-

ках от дождя шляпами, чтобы вода его не заливала.

Фсс-пах!

Выстрелил первый, а за ним ещё трое мушкетёров смогли под дождём произвести выстрелы. Хотя и было далеко, но крупные мушкетные пули долетели-таки до противника. Одна лошадь встала на дыбы, видно, её задело. И всадники сразу стали разворачиваться. А вслед им летели крики, вспоминающие их хозяина-дьявола, и обещания отправить их к нему в скором времени. На том дело и разрешилось. Солдат, что промокли и промёрзли в секретах и заставах, сменили свежими людьми, а генерал дал приказание всем возвращаться в лагерь. И, видя, что в его присутствии надобности уже нет, поехал туда первый, надеясь снять доспех, промокшую одежду и уже отобедать. Но у самого лагеря ему встретился большой конный отряд, выезжавший из Гернсхайма. И над отрядом, не очень-то и гордо из-за дождя, скорее висел, чем реял, стяг Его Высочества.

– Никак маршал лично выехал на осмотр полей, – заметил Роха.

– Точно он, вон его красная лента, – через дождь разглядел маршальский шарф молодой Максимилиан.

Так и было, Волков поморщился, поняв, что тепло, сухие сапоги и обед опять откладываются, поморщился и поехал навстречу кавалеристам.

– Дорогой друг, что тут у вас происходит? – сразу спросил маршал, когда генерал со своими людьми приблизился к

нему. Он и его окружение были явно удивлены, видя, как в лагерь возвращаются пехотинцы и стрелки.

– Ничего, что могло бы вас заинтересовать, господин маршал, – вежливо отвечал Волков. – Безбожники выслали малый отряд сбить наши заставы, мы вышли им навстречу, и они отступили обратно. А к нам поехала их кавалерия.

Офицеры, ехавшие с маршалом, чуть оживились, а правая рука командующего, начальник его штаба генерал фон Эберт спросил заинтересованно:

– Была стычка?

– Нет, зря только вылезал из-за стола, мои мушкетёры выстрелили пару раз, разбойники ретировались.

– Прекрасно, – произнёс цу Коппенхаузен. – Кстати, барон, приношу вам мою благодарность за пленного.

– Он не очень много знал, но пришлось взять, что было, – скромничал Волков.

– О, не скромничайте, вы оказали общему делу большую услугу, взяв в плен одного из Левенбахов.

– Из тех самых Левенбахов? – удивился генерал. – Он назвался каким-то..., – он не мог вспомнить имени пленного.

– Ригсфельде, – напомнил ему фон Эберт. – Это одно из колен дома Левенбахов, очень влиятельная семья. Эта фамилия – истинные вожди еретиков. Неугомонные.

– Ах вот почему он спрашивал меня про мой шатёр, – сказал Волков и повернулся к своему роскошному шатру, который, находясь на вершине холма, даже в дожде выглядел по-

королевски.

— А это ваш шатёр? — поинтересовался маршал, и все офицеры стали смотреть на холм. — Хорош! А он в цветах Левенбахов, кажется, их цвета — пурпур и золото. Он имеет к этой семье отношение?

— Я взял его в трофеях у одного из Левенбахов лет шесть назад в Фёренбурге.

— А что случилось с его хозяином? — спросил кто-то из адъютантов маршала.

— Он был излишне храбр, — опять скромно отвечал генерал.

Все понимающе кивали головами, а цу Коппенхаузен совсем по-приятельски и говорит:

— Мы едем осматривать поле за деревней, мои офицеры говорят, что там неплохая позиция, прошу вас и ваших офицеров присоединиться к нам, барон.

— Конечно же, — отвечал Волков.

А сам при том думал о петухе в вине, что смастерили ему на обед Гюнтер и Томас, о горячем вине с драгоценной корицей, а ещё о сухой одежде и жаровне с углями, к которой можно с таким удовольствием вытянуть ногу.

Дождь кончался и начинался, а маршал с господами генералами и офицерами всё не уезжал с поля. Возле каждого холма они останавливались и даже въезжали на него. Считали шаги вправо и влево, смотрели и обсуждали. Вставали у овражков, смотрели глубины, прикидывали, пройдёт ли че-



рез такой овражек пехотная баталия, не потеряв строя, или нет? Задержится ли? Волков был изрядно голоден, он промок и уже замёрз, когда маршал заявил:

– Господа, сражение безбожникам дадим здесь, – он широким, чуть пафосным жестом обвёл окрестные поля, – сейчас я прошу вас разойтись по своим палаткам и подумать над тем, что видели; я жду от вас предложений, а как стемнеет, прошу быть у меня на совете, где мы обсудим диспозицию.

## Глава 7

Волков наконец вернулся к себе и первым делом, сняв доспех, переоделся. Потом, конечно же, обед, который по времени уже был скорее ужином. Поел он быстро, ему хотелось посидеть у жаровни, но уже начало темнеть, а значит, нужно было собираться к маршалу. Он вызвал к себе полковника Брюнхвальда, так как намеревался взять его на совет с собой, а как тот явился, так они почти сразу и поехали к маршалу. Волков не хотел опаздывать. Он оказался не один такой; как они потом выяснили, подслушав разговор двух генералов, Дитрих Альберт цу Коппенхаузен терпеть не мог опозданий.

В огромном шатре, который был больше, чем у Волкова, собрались генералы и их штабные офицеры, адъютанты. Всего было человек под тридцать. Господа расселись вокруг большого сборного стола, на котором были разложены листы с изображениями окрестностей. Волков подметил, что холмы и дороги, не говоря уже про населённые пункты, нарисованы в правильных пропорциях. В общем, карта была неплоха. Дорфус одобрил бы. Пока господа рассматривали карту, а слуги разносили им вино, пришёл фон Эберт и сообщил: – Господа, маршал будет вскорости.

Господа понимающе покивали: подождём. Они пили вино, негромко переговаривались. Гадали, где кому придётся

встать.

– Хорошо бы нам встать у нашего лагеря, – тихо говорил Брюнхвальд. – То место нам известно. И для нас удобно.

Волков кивнул, он тоже хотел, чтобы его баталию поставили на левый фланг к реке и холмам, на которых был разбит его лагерь. Генерал собирался просить об этом. И тут все начали подниматься со своих мест: пришёл и маршал. Дитрих Альберт был важен и серьезен; он подошёл к своему креслу во главе стола, оглядел своих подчинённых, и те поняли, что что-то произошло. Офицеры не ошиблись.

– Господа, – начал маршал, – только что мне доложили наши лазутчики, что безбожники выгрузили последние пушки из барж и уложили их на лафеты. Впрягли в них лошадей. И вместе с артиллерийским обозом начали вывозить из Бибесхайма под крепкой охраной на юг, к нам.

Тихий ропот прошёл по шатру, и Волков услышал, как даже его неразлучный товарищ Карл Брюнхвальд негромко произнёс:

– Ну вот и началось.

После чего мелким жестом перекрестился.

– Господа, надеюсь, мне не нужно вам объяснять, что это значит, – продолжал цу Коппенхаузен. – Уверен, что завтра к вечеру уже всё решится. Прошу вас, генерал.

Он передал слово генералу фон Эберту, а сам сел. Эберт взял бумажку и стал читать фамилии генералов и количество войск, что пришли с ними. Также он перечислил количество

пушек. И Волков с Брюнхвальдом узнали, что у них пушек столько же, сколько во всём остальном войске.

– Хорошо, что вы велели Пруфффу перевезти к нам артиллерийский обоз, – заметил Брюнхвальд.

Он был прав, диаметры у всех орудий были разные, и ядра одной пушки не подходили к другой, даже у четырёх кулеврин, что принадлежали Волкову, были два немного разных ядра. Так что, утащив обоз к себе, он почти обезопасил себя от того, что его пушки могут у него забрать на другой участок, передать другому генералу. Конечно, маршал мог потребовать, чтобы Волков вернул обоз, но сейчас, ночью, по адской грязи...

Сначала началось обсуждение позиций, где и кто и со сколькими солдатами будет стоять. Брюнхвальд не постеснялся, хоть и был всего полковником, выступить одним из первых, впереди генералов, и легко убедил генералов, что баталии генерала фон Рабенбурга сподручнее будет стоять на левом фланге, опираясь на свой лагерь. С ним никто не стал спорить, и, немного посоветовавшись над картой, маршал и фон Эберт утвердили это пожелание. Дальше говорили генералы, и промеж них сразу вспыхнули споры. Никто не хотел становиться на дорогу, на опасный правый фланг, все, ссылаясь на малочисленность своих баталий, желали встать в центр на холмы. И тогда решение принял сам маршал, поставив туда генералов фон Эссена и фон Ульда, пообещав, что отдаст на их правый фланг всю имеющуюся в его распо-

ряжении кавалерию вместе с рыцарством. Потом речь зашла о пушках. И опять разгорелись споры. Фон Эссен и фон Ульд стали просить себе пушек, а маршал поначалу стал склоняться к тому, чтобы часть, хотя бы пару пушек Волкова, отдать им, но тут слово взял сам кавалер Иероним Фолькоф, Божий рыцарь, владетель Эшбахта, барон фон Рабенбург, и сказал, что пушки отдавать на правый фланг неразумно, так как весь артиллерийский обоз находится на левом, в его лагере, артиллерийских офицеров у него всего два и лишних нет, так один из них только взят в артиллерию, а ещё ему на левый фланг не дали ни одного всадника, так пусть хоть пушки будут. Маршал и фон Эберт немного посовещались и решили, что барон прав. Довод про обоз оказался самым веским. И когда Волков с Брюнхвальдом уже радовались своей небольшой победе, маршал попросил генерала:

– Ну раз уж пушки вы оставляете себе, так уж дайте на правый фланг хоть пару сотен своих знаменитых мушкетёров.

– И хорошего капитана с ними, – добавил своё пожелание генерал фон Ульд.

– У нас столько мушкетёров всего, – заметил полковник Брюнхвальд. Он не хотел ослаблять своих стрелков.

Полковник немного занижал количество имевшихся в полку у Рохи мушкетёров, но Волков, не желая ссориться с маршалом, тихо прошептал ему:

– Надо дать им стрелков, Карл. Не то они опять начнут

делить наши пушки.

Они под пристальными взглядами всех остальных офицеров посовещались немного, и генерал произнёс:

– Думаю, что мы сможем выделить шестьдесят мушкетёров и сотню аркебузирова на правый фланг, в распоряжение достойных генералов фон Эссена и фон Ульда.

На этом военный совет, конечно, не закончился, генералы стали обсуждать, казалось бы, мелочи, но без тех мелочей не обойдётся ни одно военное дело. Стали думать, во сколько рядов ставить баталии, кто за кем будет стоять, кто за кем будет выходить из лагеря, чтобы не создавать давку и путаницу у выхода. Кормить или не кормить людей перед делом. Всё говорили и говорили. Уже было поздно, господа военные проголодаться успели, слуги снова стали разносить вино, а к нему сыры, колбасы, хлеба и паштеты, чтобы генералы и офицеры могли утолить ночной голод. В общем, совет закончился уже за полночь. Диспозиция была утверждена и подписана всеми присутствующими на ней генералами.

Волков вышел на улицу. В шатре было много людей, горело много ламп, там было душно, а тут... Он стоял и вдыхал холодный, сырой воздух. А лагерь не спал, везде сновали люди, словно не ночь, а светлый день. Кричали сержанты, ржали лошади, удивляясь ночной кормёжке.

– Ну, теперь точно началось, – сказал Брюнхвальд, выходя из шатра маршала и останавливаясь рядом с генералом.

– Теперь точно, – согласился тот с товарищем.

Хенрик подвёл ему коня, тут же был и Максимилиан. И он распорядился:

– Максимилиан, найдите майора Пруффа и пр его везти пушки к лагерю, и пусть не медлит; также найдите всех офицеров из наших, пусть кормят людей и выдвигаются к нам.

– Господин генерал, – заговорил Рудольф Хенрик, даже в темноте было заметно, что он волнуется, – будет сражение?

– Скорее всего, – сухо отвечал барон фон Рабенбург, садясь на коня.

И пока он не уехал, к нему подъехал генерал фон Эссен с парой офицеров, они раскланялись, и фон Эссен произнёс:

– Друг мой, когда будете отправлять к нам стрелков, отправьте их в моё распоряжение, а не в распоряжение фон Ульда.

– При том условии, что вы будете беречь моих людей, – с улыбкой отвечал Волков. Эссены были большой и влиятельной семьёй. И в герцогстве, и за его пределами фамилия имела немалые владения и влияние, так что он не хотел отказывать своему коллеге.

– Я смотрю, вы относитесь к тем генералам, что берегут своих солдат, – заметил фон Эссен.

– Да, я щепетилен на этот счёт, мои стрелки мне дорого достались.

Генералы посмеялись, и фон Эссен обещал барону беречь его драгоценных стрелков по мере сил.

\*\*\*

Было ясно, что поспать в эту ночь ему не придётся. Ну так хоть поесть было нужно. Сыры да паштеты у маршала – это всё прекрасно, но ему необходимо было поесть основательно. Насытиться на долгое время. Неясно, что будет днём. И возможно, что до следующего вечера еды ему не видать. Они вернулись в свой лагерь, и генерал сразу собрал всех капитанов у себя в шатре.

– Господа, еретики потащили к полю артиллерию, идут с большой охраной, можно считать, что дело решённое, так что кормите людей, лошадей, ешьте сами, потом выводите людей, стройте их. Полковник Брюнхвальд, как только освободится, с первыми ротами пойдёт на поле, там будет вас встречать и укажет вам место для построения.

Никто из офицеров ничего не сказал, в шатре было тихо, несмотря на подвывающий снаружи ветер, который трепал ещё и стены шатра. Офицеры были серьёзны и внимательны. Шутка ли, большая битва. Многие из офицеров были молоды, и далеко не все из них имели опыт в подобных делах; генерал продолжил:

– Капитан Лаубе, сколько у вас людей? – это был как раз молодой офицер, вышедший из «стариков», из роты Рене. Кристиан Лаубе был грамотен и расторопен, и главное, сам Бертье назначал его первым сержантом своей роты за исключительную храбрость. Сейчас он проживал у Волкова в Эшбахте, и это было его первое дело в звании капитана. Рене за него ручался, что он не подведёт на капитанской должности.



– Двести шесть человек при семи сержантах и одном ротмистре, – бодро отвечал капитан. – Все люди наши, из Эшбахта, половина при полном доспехе или при трёх четвертях. То всё старые солдаты. Молодые тоже неплохи.

– А что за ротмистр у вас?

– Нейман, он новый. Полковник Брюнхвальд только что его нанял за рекой. Но он оказался неплох в походе, учить ничему не пришлось, а как в бою он будет... пока не знаю.

– Ладно, в общем, в баталию вы не встаёте, стройтесь позади баталии, в две колонны по шесть. Одна колонна ваша, другая этого Неймана. Кавалерии нам не дали, так будете моим маневренным резервом. Заодно и охраной штандарта.

– Да, господин генерал, – капитану, видно, польстило такое ответственное и привилегированное поручение.

– Полковник Роха!

– Слушаю, генерал.

– Маршал просил передать на правый фланг шестьдесят мушкетёров и сотню аркебузирова.

Спокойный и даже почти сонный полковник Игнасио Роха по прозвищу Скарафаджо оживился, затряс своей бородищей:

– А не жирно будет этому маршалу?

Конечно, он не хотел отдавать своих людей другому офицеру. Его можно было понять, но Волков настоял:

– Я обещал, полковник.

– Ладно, – Роха поводил своей деревяшкой по ковру и ска-

зал нехотя: – отправлю ему сотню людей.

– Роха, – генерал продолжал требовать, – маршал просил две сотни, я и так выторговал у него четыре десятка. Отправь шестьдесят мушкетёров и сотню аркебузирова в распоряжение генерала фон Эссена на правый фланг.

– Как прикажете, – буркнул полковник. И снова поскрёб своей деревяшкой, замещающей ему ногу, по ковру.

Дальше было от офицеров несколько вопросов, но то вопросы были мелкие, и он решил их быстро. В общем, всем всё было ясно. Когда офицеры покинули его палатку, денщики подали ему еду: остатки петуха и жаренную с луком кровяную колбасу, тёмного, простого, но свежего хлеба. Подали к колбасе пива. Пиво было дурное, видно, какой-то мужик из соседних домов его варил неумело, но барон выпил всю кружку до дна. Ел он молча, даже не глядя на молодых господ. Фон Флюген и фон Готт, под надзором Хенрика, доставали из оружейного ящика доспехи, стёганки, шоссы, свежую рубаху. Они раскладывали одежду на его кресло, латы на полу возле. Делали всё почти молча, с редким для этих недорослей благоговением.

Они готовили к битве того, кто станет под знаменем, того, кого будут оборачиваться солдаты в трудную минуту, того, чьи решения будут определять, жить кому-то или умереть.

Всё доев, он обмыл руки и пошёл к табурету, на котором сидел, когда его облачали.

– Господин генерал, – Хенрик поднял и показал ему две кольчуги – одна лёгкая, из тонких колец и с укороченными рукавами, вторая тяжёлая, очень крепкая. – Какую предпочитаете?

Волков указал на тяжёлую кольчугу и добавил:

– Вы, господа, тоже ничем не пренебрегайте. Дело нам предстоит непростое.

Господа стали его одевать. И уже вскоре он был готов, Хенрик сам помог ему перепоясаться мечом. Сидели латы плотно, госпожа Ланге ему уже замечала, что он раздался в боках, а барон всё не верил. Теперь же, с самыми толстыми стёганками и тяжёлой кольчугой, барон заметил, что движения его не так свободны, как прежде.

«Неужто старею?».

Волков, проверяя, как сел доспех, кажется, в первый раз за всю свою жизнь подумал, что доспех нынче для него стал... тяжеловат. Ему было жарко. Он вздохнул и пошёл к выходу из шатра. Ему не хотелось, чтобы это видели молодые люди, но и скрывать барон этого не хотел: перед выходом на улицу он перекрестился. Гюнтер и молодой слуга Томас также осенили господина своего святым знамением, пока он не вышел.

На улице после шатра было прохладно, накрапывал дождик, а, стоя под дождем, генерала ждали офицеры. Роха, Рене, Дорфус. Тут же был Франк с его штандартом и шестнадцать человек охраны штандарта и по совместительству его

личных гвардейцев; все были уже в сёдлах.

– А где Брюнхвальд? – спросил Волков, осмотревшись.

– Он с первыми ротами уже вышел, – сразу ответил Дорфус, подходя к генералу с лампой в руке. – Он разведёт костры, чтобы капитаны видели, куда вести солдат.

Волков негромко сказал:

– Прекрасно.

Максимилиана учить ничему уже не нужно, он подводит генералу сразу двух осёдланных коней. Получше и попроще – выбирайте, господин генерал. Генерал садится на простого, но и того коня, что получше, Максимилиан не отпускает, просто накрывает его попоной. Он будет при генерале. Первый конь устанет, будет убит или ранен, так что, когда дело будет в разгаре, лучше иметь под рукой свежего, бодрого и сильного коня.

Волков спускается с холма к реке – в лагерь. Там стучат барабаны. Но не сильно, барабанщики не любят, когда дождь мочит их инструмент. Время от времени резко и звонко взвизгивает труба. Трубачи дождя не боятся. Генерал медленно едет по ожившему лагерю: всё в огнях, в каждой палатке зажжена лампа, люди на ногах. Уже в кирасах или в стёганках, но ещё без шлемов, наручей и поножей. Сержанты горланят, торопят солдат, созывая свои части, призывая их выходить строиться.

– А ну, выползайте сюда, бездельники. Хватит прятаться! Строиться! Строиться!

И тут же где-то невдалеке, разрывая ночь и перебивая гомон лагеря, звенит труба: строиться, строиться! Трубач хорош, отлично играет сигнал: строиться, строиться!

Но корпоралы прямо под дождём ещё делят меж солдат последнее пиво и горох с жареным салом, разламывают хлеба, а солдаты жадно кусают большие куски, поспешно выпивают пиво, иногда обливаясь им. У всех много дел. Все готовятся, все знают, что сегодня случится.

– Господин генерал! Господин генерал! – кто-то кричит сзади.

Волков и его люди останавливаются. К ним по лужам и грязи бежит человек, он ещё издали начинает кланяться, а когда подбегает, ещё раз поклонившись, говорит:

– Господин генерал, я мастер сапёров Ридберг.

– Что вам угодно? – интересуется Волков.

– Маршал прислал меня узнать, не осталось ли у вас заготовленных кольев?

– Кольев? – удивляется генерал.

– Ну да, кольев, вы же укрепляли лагерь, а маршал хочет сейчас укрепить и правый фланг, вот и послал меня узнать, может, у вас остались лишние колья.

– Вы пришли один, мастер Ридберг?

– Нет, со мной сорок сапёров и четыре подводы, – отвечает мастер.

Волков делает знак и к нему подъезжает майор Дорфус.

– Сорок сапёров, – говорит генерал негромко, – нам то-

же стоит укрепить свой фланг, подготовить площадку под пушки, да Пруффу с пушками нужно помочь, по такой грязи неизвестно когда доберётся до места.

– Я понял, господин генерал, я отведу их к Пруффу и передам ему в помощь, – отвечает майор, – а как они дотащат пушки до поля, там помогут им встать на позиции.

– Именно так, – генералу нравился Дорфус, ему не нужно было ничего объяснить.

– Мастер Ридберг, вы и ваши люди пусть следуют за мной, – приказал майор, разворачивая коня и спускаясь с холма.

– Мы идём за колями? – уточнил Ридберг.

– За колями, за колями, – обещал ему майор.

## Глава 8

Кажется, дождь поутих, но стало ещё холоднее. Ветер дул просто ледяной.

– Лужи, сдаётся, замерзают, – заметил Рене.

Так и было, под копытами коней хрустел ледок. Волков приметил это, как только спустился с холма.

– И чёрт с ними, пусть леденеют, – сказал Роха, чуть покашляв, и развил свою мысль: – лишь бы вода с неба не лилась, а то моим парням и пострелять не удастся.

Едва офицеры спустились с холма, как, казалось, где-то далеко ударил колокол.

– Утренняя служба, – констатировал Рене.

Так и было, поп звал людей в церковь, а значит, ночь прошла, и до рассвета осталось около часа.

Генерал раздражён, и это не от боли в ноге. Он поворачивается к майору Дорфусу и говорит, едва маскируя своё раздражение:

– Майор, прошу вас, езжайте к артиллеристам, я очень надеюсь, что до рассвета орудия будут на позициях.

– Да, господин генерал, – отвечает Дорфус и второй раз за ночь едет в деревню подгонять вспыльчивого Пруффа.

Зато у полковника Брюнхвальда всё в порядке, костры горят, за ними уже растянулись в плотные линии солдаты.

Полковник встречает генерала.

– Я думаю Циммера поставить седьмым рядом, как вы считаете, господин генерал?

– Нужно подождать, пока рассветёт хоть немного, – отвечает Волков, – пока ничего не видно. А кто справа от нас?

– Приезжал полковник Каленберг. Вон их костры, – Брюнхвальд указывает рукой на горящие справа огни.

– Каленберга я знаю, – вспоминает генерал, – кажется, это неплохой солдат, но костры далеко. Между нашей и центральной баталией такой большой зазор?

– Мне и самому это не нравится, – замечает полковник. – Но пока не рассветет, ещё ничего не ясно. Тем не менее я подумал, что нам лучше левым флангом стоять поближе к реке, ведь у нас нет кавалерии.

– Вы правильно подумали, Карл, – отвечает генерал. Солдаты, когда они проезжают мимо костров, их замечают. Кто-то кричит такое привычное:

– Эшбахт!

Это кто-то из стариков из рот капитана Лаубе, что стоят не в общей баталии, а чуть особняком.

Тут же кто-то из охраны штандарта, что едет за Франком, поддерживает клич:

– Эшбахт!

И ещё кто-то кричит, и ещё... И вот уже из рядов самой баталии понёсся в холодную ночь этот знакомый ему клич:

– Эшбахт! Эшбахт! Эшбахт!

Даже Хенрик не удержался и заорал что было сил:



– Эшбахт!

Вслед за криками одна за другой зазвенели трубы: они играют сигнал «ко знамени». Это в честь него. Теперь все, кто был рядом, кто слышал сигнал, знают, что нужно смотреть на главный штандарт, который держит рослый и видный прапорщик Франк, что едет сразу за генералом на большом коне.

Тем, кто видит его в свете костров, генерал машет рукой. И едет дальше вдоль строя солдат, в темноту. И только после того, как он выехал из света, крики начинают смолкать.

– Хорошо, – говорит Рене. – Солдаты чуть взбодрились.

– Хорошо, если им не придётся стоять весь день зря, – Волков поворачивается к Брюнхвальду. – От секретов и застав кто-нибудь приходил?

– Я приказал снять заставы, – отвечает полковник.

– Вот как? – удивляется генерал.

– Да, сержанты говорят, что еретики уже подходили к ним, но не атаковали, потому что не могли в темноте понять, сколько там наших, а ещё сержанты говорят, что слышали большой шум и ржание лошадей во множестве. Думаю, ван дер Пильс уже подходит с основными силами. Думаю, он торопится.

– Это хорошо, – произносит Волков. – надеюсь, что они не станут тянуть и всё случится сегодня.

– Не зря же мы не спали всю ночь, – добавляет Рене.

– Быстрее бы уже началось, – бурчит Роха, – иначе я око-

лею от этого чёртова холода.

Снова приехал человек от маршала, уже другой, этот был в шлеме, снова спрашивал про пушки. На что генерал ему отвечал, что пушки ещё едут из главного лагеря и до него не добрались. Как только они появятся, он незамедлительно отправит их в центр.

Уже небо серело на западе, уже можно было что-то различать без огня, когда наконец Дорфус и Пруфф дотащили пушки до поля.

Три офицера и мастер сапёров предстали перед генералом, когда почти рассвело. Злой и бледный майор Дорфус, пунцовый и раздражённый майор Пруфф на маленьком мерине и ротмистр Хаазе. Как и Дорфус, он был бледен и к тому же очень грязен.

– Вы очень долго, – произнёс генерал, осматривая их всех.

– Я был бы очень признателен тому, господин генерал, – едко и даже дерзко начал Пруфф, – кто мне покажет, как таскать многопудовые пушки по осенней распутице.

– Возможно, нужно было сменить упряжки лошадей, – предположил полковник Рене.

– Не хотелось бы быть невежливым, – всё так же противно продолжал майор, – но ваш совет, полковник, несколько неуместен, так как за всё время пути мы меняли лошадей дважды.

Рене пожалел, что встрял в эту беседу, и ничего не ответил Пруффу.

Но Волков не стал ничего высказывать артиллеристу, так как опоздание того входило в его планы, теперь отправлять выбившихся из сил людей и лошадей с тяжёлыми пушками по раскисшему полю было бы просто глупо. Тем не менее он произнёс:

– Маршал просил тяжёлые орудия отправить ему в центр.

– Это исключено! – воскликнул Пруфф. – Это пожелание маршал должен был озвучить до того, как мы вышли из лагеря. Лошади еле плетутся, они не пройдут и трёх сотен шагов.

– Брюхвальд, Дорфус, Рене, вы слышали слова майора? – уточнил Волков. И так как все это слышали, он продолжил: – Майор Пруфф, кулеврины поставьте на наш правый фланг, а картауну и лаутшланг – слева к реке.

Тут майор Дорфус повернулся к нему:

– Мой генерал, согласно утверждённой диспозиции, все орудия должны быть выставлены между нашей и главной батальями.

– Я помню про диспозицию, – отвечал ему Волков, – я сам её подписывал, но майор Пруфф говорит, что лошади уже не в состоянии тащить большие пушки, так что будет неплохо, если они вообще примут участие в деле, – он повернулся к Пруффу и повторил приказ. – Картауну и лаутшланг ставьте на левый фланг моей батальи, а кулеврины справа.

– Теперь обоз придётся разделять, – чуть озадаченно произнёс ротмистр Хаазе. Разделить телеги с припасами для стрельбы было сложно.

– Так разделите, – повелел Волков. – Господин майор, кто из вас встанет с малыми пушками между батальей?

Пруфф думал только одну секунду, а потом, как всегда в недовольной своей манере, ответил, словно упрекнул:

– Уж придётся мне, а вы, ротмистр, станете слева.

– Как прикажете, господин майор, – в голосе ротмистра не слышалось бодрости. Видно, он побаивался так быстро обрушившейся на него самостоятельности. Это не нравилось генералу, офицер всегда должен знать, что делать, и при этом быть твёрд, но сейчас уже ничего изменить было нельзя. Хаазе придётся стать с большими пушками на фланг.

– Вы помните, чему я вас учил? – назидательно спрашивал у своего подчинённого Пруфф.

– Стараться бить во фланг, ядрами по ногам, картечью по головам, – сразу выпалил молодой офицер.

– Порох! Порох! – воскликнул майор недовольно.

– Ядра – треть совка на сто шагов, крупная картечь на двести шагов – два с половиной совка, мелкая картечь – два совка на сто шагов.

– Мелкой картечью..., – начал Пруфф.

– Дальше, чем на сто пятьдесят шагов, не стрелять, ибо толку немного будет, – закончил ротмистр Эрнст Хаазе.

Пруфф всё равно остался недоволен, он махнул на молодого офицера рукой:

– Разве за такое-то короткое время обучишь человека? Нет, сие невозможно... Ладно, ротмистр, отдам вам Шмид-

та, он добрый бомбардир, он всё знает, с первых дней при нашей картауне.

Волков, дослушав этот диалог, остался доволен тем, как всё разрешилось, хотя ротмистру ещё добавить бы уверенности в себе; для того генерал и сказал ему:

– Солдаты должны видеть в вас того человека, который может их за собой увлечь и не вскочит на своего офицерского коня и не уедет, когда враг подойдёт на двести шагов. Будьте тверды.

– Да, я..., – кивал молодой офицер. – Конечно. Я не подведу вас.

И теперь генерал обратился к мастеру сапёров:

– Господин Ридберг, помогите ротмистру Хаазе установить орудия на позиции. Пусть ваши люди подготовят площадки под орудия и под припасы.

– Господин генерал, – заговорил мастер в ответ, – но господин маршал направил меня за кольями.

Тут уже Волков не выдержал, его раздражали всю ночь: дождь, холод, болваны, перемена решений и всё остальное, больше терпеть он был не в состоянии:

– Какие ещё к дьяволу колья!? – заорал он. – Какие колья?!

И тут же взял себя в руки, вздохнул и продолжил почти спокойно:

– Поздно, поздно уже их искать! Прошу вас, помогите ротмистру установить пушки. А перед маршалом за вас я от-

вечу.

– Как вам будет угодно, господин генерал, – мастер сапёров чуть испуганно косился на генерала и кланялся.

## Глава 9

Кажется, ночь отступала, наконец можно было осмотреться, но в предрассветном сумраке всё казалось безрадостно серым и темным. Ветер стал дуть ещё сильнее. Северный, леденящий. От него хрустящей коркой схватилась вся намокшая за ночь земля. Но генерал был доволен, почти всё было сделано, построение было закончено. Почти. К нему подъехал полковник Брюнхвальд и, указав на одну роту, ещё не вставшую в строй, сказал:

– Лаубе у нас в резерве. Значит... Остался капитан Циммер. Строй у нас выходит не очень глубокий. Думаю поставить его людей седьмым и восьмым рядами в баталию.

Волков сразу не ответил, не дал согласия, и тогда полковник продолжал:

– Или у вас другие планы на Циммера?

– Карл, я думаю, его нужно поставить на правый наш фланг. Уж больно мне не нравится эта дыра между нами и главной баталией. Да и Пруффу там одному неуютно.

– Вы правы; может, сдвинем всю баталию ближе к центру? Шагов этак на пятьдесят?

– Тогда будет слева между нами и рекой большой зазор. Уж очень удобно для кавалерии. Безбожники увидят, бросят туда пару сотен кавалеристов, чтобы порубить всех артиллеристов во главе с нашим бравым ротмистром Хаазе и канон-

ниром Шмидтом. После чего заедут к нам в тыл или, что ещё хуже, в лагерь.

– Мы можем дать Хаазе стрелков, человек пятьдесят аркебузирова, – предложил Брюнхвальд.

Волков обернулся назад, насколько ему позволял доспех. Взглянул на Роху и Вилли, которые стояли под полковым знаменем, на линии хравых мушкетёров и аркебузирова, которые находились сразу за своими командирами; потом он повернулся к полковнику:

– Я не хочу раздёргивать стрелков, хочу держать их в одном кулаке.

– Значит, Циммера я ставлю на правый фланг?

– Да, Карл, будьте так любезны.

– Просто у него не очень хорошие солдаты, – сомневался Брюнхвальд, – для последних рядов они бы ещё подошли, но...

Он не закончил. А Волков не стал ему говорить, что солдаты вполне соответствуют своему офицеру, так как это могло выглядеть упрёком, ведь именно Брюнхвальд нанял на капитанскую должность человека, который и должности ротмистра был недостойн. И тогда полковник закончил:

– Значит, ставлю его направо.

– Да, ставьте его направо, Карл.

Утро всё-таки продиралось сквозь темноту, вокруг из ночной черноты стали вырисовываться серые, холодные, недружелюбные поля, перелески с чёрными деревьями без



листьев, холмы в жёлтой вымороженной траве.

И на другом краю большого поля – они. Чёрные люди, строящиеся для решительного дела. Но это пока перед центральной баталией. А вот первые колонны уже вышли из-за перелеска, офицеры скачут по полю, указывают, куда двигаться колоннам, сержанты выбегают вперёд, протазанами и алебардами показывают солдатам места, а те уже начинают медленно растягиваться в ряды.

Даже здесь генералу и его офицерам слышны барабаны врага.

– Эх, ударить бы сейчас, пока не построились, – мечтательно говорит Хенрик, он говорит это фон Готту и ещё одному молодому господину из выезда, но его слышат все офицеры, в том числе и генерал.

Возможно, в его словах и есть смысл, но... Времена рыцарской неуправляемой храбрости давно минули. Теперь воюют пехотные баталии, в которых дисциплина и стойкость – залог победы, а утверждённая диспозиция – закон.

– Фон Флюген! – подзывает Волков. И молодой человек, сын состоятельных родителей, в отличном доспехе и на дорогой лошади, подъезжает к генералу.

– Да, генерал.

– Скачите к ротмистру Хаазе, поинтересуйтесь, нет ли у него желания немного повоевать. Сообщите ему также, что враг уже в пределах его досягаемости. Он может уже начинать.

Фон Флюген уехал.

– И вправду, чего ждать, – соглашается Дорфус, – пока мерзавцы не построились, неплохо убить их хотя бы дюжину.

Минуты тянутся, враг продолжает, всё выводит и выводит из леса новые тёмные колонны, и они сразу начинают пристраиваться к уже вставшим баталиям.

«Самые нудные минуты, быстрее бы уже всё началось».

Серое, тяжёлое небо так низко, что, кажется, протяни руку и коснёшься пальцами перчатки холодных туч. А он и верившие в него люди всё ждут, ждут, ждут... Ждут, когда враг наконец построится и пойдёт в атаку.

Приехал фон Флюген и доложил:

– Пушки уже заряжаются. Сейчас они начнут.

Ему опять приходится ждать, но в этот раз недолго.

Паау-мм!

Низко и тягуче бьёт пушка. Это лаутишланг. Звук, долетевший слева, не такой, как обычно. Наверное, это из-за ледяного воздуха. С реки дует изрядно.

Молодые господа даже приподнимаются на стременах, чтобы увидеть, куда полетело ядро: попадёт-не попадёт? Но Волков и так увидел, что ядро не долетело. Ударилось в землю в пятидесяти шагах от вражеских рядов и выбило из грунта фонтан мёрзлых комьев.

– Не долетело, – говорит фон Готт.

– Не долетело, – соглашается фон Флюген.

Снова ждать. А барабаны врага стучат всё отчётливее.

Баа-мм...

А вот это уже его старая добрая картауна. Он даже видит, как облако серого дыма, гонимое от реки ветром, плывёт перед строем его солдат. И ещё видит, как это ядро не долетает. Хоть уже ближе к врагу, но всё равно бьёт в землю.

Старые офицеры молчат, а молодые начинают зло куражиться.

– Болван этот Хаазе! – говорит Хенрик.

– Этот дурень в постели не попадёт даже девке между ног! – поддерживает его совсем ещё юный фон Флюген. Говорит он это громко, ему кажется, что шутка смешная и все вокруг должны её услышать. Кое-кто из молодых смеётся, но Волков поворачивается и бросает взгляд в их сторону. Этого достаточно, чтобы смешки умолкли. А с правого фланга странной иноходью, во всю отпущенную природой прыть, на своем приземистом, но крепком меринке на левый фланг скакал сам майор Пруфф. Пролетел, неуклюже подпрыгивая в седле, мимо генерала и офицеров, даже не взглянув в их сторону.

– Поехал, поехал, поскакал... Сейчас он научит Хаазе правильно стрелять, – с улыбкой заметил Роха.

И вот тут уже все, даже сам генерал, стали улыбаться и посмеиваться. Потом Волков ещё раз взглянул на молодых людей. Они и вправду посмеивались, веселились, демонстрируя друг другу беззаботность. Может быть, и показную. Смеялись и негромко зубоскалили, словно не понимая того, что

сегодня кто-то из них может и умереть. Ничего, вечером они будут уже другими, если останутся в живых.

Приехал вестовой от маршала, генерал думал, что опять заведёт разговор про пушки, – так нет, теперь маршал просил генерала к себе, пока не началось дело.

Ну, раз зовут – нужно ехать. Он оставил за себя Брюнхвальда и, взяв с собой Дорфуса, Максимилиана и фон Флюгена, без штандарта поехал в центр войска к главной батарее.

– Господин генерал, – сразу начал маршал, едва Волков приблизился к нему. – Отчего же вы не привезли мне пушек, о которых я вас просил дважды, и которые вы мне дважды обещали?

Говорил он это при всех своих офицерах и адъютантах, хоть формально и вежливо, но всё равно в его голосе слышалось раздражение. Волков же отвечал спокойно и соблюдая субординацию, так как заводить себе ещё одного недоброжелателя при дворе ему не хотелось. Их там и так хватало.

– Господин маршал, приказ о передаче пушек я получил слишком поздно, орудия уже подъезжали к моему лагерю. Проехали большую грязь, в которой они утопали по оси. Лошади, четыре упряжки по шесть, уже вытянули их на поле, на мой левый фланг, и едва были живы от усталости. Дальше тянуть их не могли. И тогда я решил, что поставлю между нами кулевины. Картауну и лаутшланг оставляю там, куда их смогли дотащить. Иначе их тащили бы ещё долго, может

быть, до сих пор.

– Я послал вам сапёров, – продолжал маршал. И не успел он закончить, как генерал начал его благодарить:

– Я в том вам признателен, господин маршал, не будь их, пушки не удалось бы ни протащить через грязь, ни поставить на позиции.

Формально всё было объяснено, но он чувствовал, что убедить маршала и остальных он не сумел. Они все стояли на возвышенности, и маршал, указывая в сторону врага, произнёс:

– Безбожник строит тут свою главную баталию. Прямо напротив наших холмов. Тут их будет, я думаю, не меньше четырёх тысяч. Это против наших трёх. И здесь оченьгодились бы ваши пушки. Я рассчитывал как следует проредить их строй, прежде чем они доберутся до нас. Пушек, что имеются у меня, для того будет недостаточно.

– Мои кулеврины прекрасно стоят, они будут бить как раз во фланг наступающей баталии еретиков, а стреляют кулеврины часто, уж поверьте, при них отличный офицер и опытные расчёты. Промахов не будет, и безбожникам не поздоровится, – заверил маршала Волков.

Это не убедило цу Коппенхаузена, но, видимо, он решил не усугублять ситуацию и заговорил о другом:

– Здесь будет четыре тысячи человек против меня, хоть мы и на холмиках стоим, но они так навалятся, что жарко всем станет, уж не сомневайтесь, вот вы тогда и не плошайте;

пока центральная баталия будет стоять, вы тех, кто против вас пойдёт, должны опрокинуть. У вас для того всё есть, и стрелки, и эти ваши хваленые мушкетёры... – он тут делает многозначительную паузу, – и пушки.

«Опрокинуть?».

Тут от реки донёсся очередной пушечный выстрел. Но генерал и не заметил его. Он думал о другом:

«Опрокинуть!».

Ему даже ещё неясно, сколько против его баталии встанет еретиков. Будет ли на его фланге кавалерия противника. И, главное, неясно было, сколько под натиском главных сил безбожников простоит центр маршала на холмиках, прежде чем начнёт разбегаться? Мушкетёры, конечно, сделают своё дело, если им позволят что-что, а бить медленную, плотно стоящую пехоту они могут превосходно, но на это стрелкам потребуется время. Простоит центральная баталия хотя бы час, пока его мушкетёры расправятся со своими противниками? Но ничего из этих своих мыслей генерал не озвучил, а лишь дождался, пока маршал продолжит:

– А как сомнёте своего противника, так начинайте охват с центральной баталии врага, заходите ему во фланг.

– То же будет делать и наш правый фланг, – добавил фон Эберт. – Возьмём их главную баталию в клещи. Устроим еретикам Канны.

Он, кажется, намеревался удивить Волкова новым словом, но тот это слово уже знал, читал про то сражение ещё

в юности. И, не став ничего уточнять или спрашивать, ответил:

– Я сделаю всё, что в моих силах.

Он боялся, что маршал попросит у него ещё стрелков, раз он не привёз ему пушек, но цу Коппенхаузен отпустил его с напутствиями о том, как ему вести бой.

– Что они хотели от вас? – спросил у него Брюнхвальд, когда он вернулся к своим людям.

– Цу Коппенхаузен и фон Эберт возомнили себя Ганни-балами и намереваются устроить ван дер Пильсу Канны.

Его товарищ не понял сказанного и ждал пояснений. И тогда Волков объяснил:

– Маршал надеется, что его центр выстоит, а мы сомнём еретикам фланги и охватим их с двух сторон.

– Ах вот оно что! – понял Брюнхвальд. И после паузы продолжил тихо, чтобы люди, бывшие рядом, их не слышали: – А я почему-то сразу подумал, что вы не очень верите в нашу победу.

– Любопытно, из чего же вы сделали такие выводы, Карл? – так же тихо поинтересовался генерал.

– Вы не отдали маршалу пушки. Думаете, что сможете их увезти, если мы начнём проигрывать.

– По этой-то грязи?! – Волков даже усмехнулся не очень-то радостно.

Тем не во многом Карл Брюнхвальд был прав.

## Глава 10

Барабаны на той стороне поля бьют и бьют, а в ответ им рывкают орудия. Пруфф провёл беседу, и теперь ядра нет-нет да и долетают до еретиков. Достают их, хотя и прилетают на излёте. Безбожникам некуда деться, прямо за их спинами поросший леском овражек. Так что строиться им приходится под огнём. Но, упрямые в своей ереси, они и на поле боя упрямы, всё равно строятся. Эта квадратная, чёрная масса, состоящая из людей, уже почти готова.

Почти готова.

Брюнхвальд и Дорфус выезжали в поле вперёд, считали еретиков, потом вернулись и сказали генералу то, что он и сам видел.

– Десять рядов, – говорит майор.

– Первые три ряда хороши, – добавляет полковник.

«Десять рядов. Сто семьдесят-сто восемьдесят человек в ряд. Это на первый взгляд».

То есть против его тысячи и трёх сотен стоит без малого две тысячи безбожников.

«Дойдут – растопчут. Вся надежда на Роху да на Хаазе».

Это хорошо, что на его фланге нет кавалерии и арбалетчиков; впрочем, и те, и другие могут появиться в любой момент. Им строиться не нужно. Выйдут из леса на край поля, и всё.



«Господи, не дай мне сегодня ни кавалеристов, ни арбалетов вражеских». Генерал опять мелко крестится на глазах своих подчинённых, а этого делать не нужно было.

— Так вы оставите резерв? — Брюнхвальд тоже волнуется, что их баталия слишком жиденькая против мощной людской коробки еретиков. — Может, поставим людей чуть уже да прибавим один ряд в глубину? — предлагает он, но Волков чувствует, что думает полковник о другом. И угадывает, так как Брюнхвальд продолжает: — Или всё-таки наш резерв поставим вперёд двумя рядами?

— А что, мысль хороша, — поддерживает его Дорфус. — У Лаубе две сотни добрых солдат, будет у нас ещё один ряд не хуже доппельзольдеров.

Может, они и правы, может быть, и стоило поставить ещё один ряд, но... Генерал сомневается и произносит:

— Пусть резерв останется в колоннах. А мы будем уповать на Господа нашего да на полковника Роху с его людьми.

Ни Брюнхвальд, ни Дорфус более убеждать его не стали. На том и порешили.

\*\*\*

Прошло два часа с тех пор, как утро сменило ночь. Генерал решил поменять коня. Всю ночь сильное животное носило его нелёгкое тело в нелёгком доспехе. А людей, стоящих в строю, никто менять не собирался. Солдаты люди, конечно, выносливые, они привыкли терпеть и голод, и жару, на сей раз они терпели холод. Они не спали эту ночь. Строить-

ся начали за два часа до рассвета, а потом всё утро стояли на пронизывающем северном ветре. Уже и проголодались, успели промёрзнуть и устать. Старшие офицеры, особенно полковник Роха, то и дело прикладывались к своим флягам, у солдат фляг не было. Долгое ожидание выветривало волнение даже из молодых солдат. Волков по себе знал, о чём думают, о чем тихо в строю переговариваются доверившие ему свои жизни люди. Он сам когда-то так же стоял перед каким-нибудь делом. И так же, как они сейчас, шептал товарищу слева или справа:

«Быстрее бы уж начать!».

И солдатам еретиков тоже холодно, они тоже устали, а ещё по ним били пушки, монотонно и размеренно посылали в них ужасные чугунные шары. Пушки были далеко, но тяжёлые ядра всё равно долетали до левого угла баталии, били чаще в землю, но время от времени от земли или на излёте всё-таки залетали в строй, находя там себе жертвы.

Убивали, калечили двух-трех людей, но это ничего не меняло. Убитых и увечных тут же оттаскивали от баталии, тащили назад, а сержанты выкрикивали команды, и солдаты послушно занимали места выбывших, надеясь, что их-то минет чаша сия, и говоря при этом:

«Чего же там тянут-то, чего не начинают?».

И вот полетели вестовые. От центральной, большой баталии еретиков, оттуда, где развевалось подлое знамя их вождя, к баталии, что построилась напротив людей Волкова,

прилетел всадник.

«Неужели начинают?!».

И генерал не ошибся. Они начинали. И первым признаком того были трубы. Как-то хрипло и зло заревели над строем врага трубы. Даже здесь он различил их сигнал:

«Готовься! Готовься! Готовься!».

Его люди тоже оживились. Недружно закачались пики над рядами.

«Ну наконец-то!».

А на той стороне поля глухо и тихо застучали барабаны. Кажется, они выстукивали: «Простым шагом, вперёд!».

Рене, не спросив у Волкова на то разрешения, с одним офицером поскакал вперёд, выехал перед строем и поехал вдоль него.

– Солдаты! – что было мочи орал полковник. – Помните, что генерал Фолькоф, коего прозывают Дланью Божьей и Инквизитором, не проиграл ещё ни одного своего дела! Тем более не должен он проиграть безбожникам. Держитесь крепко и не бойтесь. Верьте в Господа нашего и в нашего генерала. Да хранит нас Бог!

Волкову понравилась речь полковника и, главное, жар, с каким она была произнесена. Хотя лучше было бы ему самому что-нибудь сказать солдатам. Но теперь они и без его речей взбодрились.

Волков повернулся к Рохе:

– Кавалерии нет, арбалетчиков нет, всё как ты любишь.

– Это да, – сразу согласился тот.

– Веди людей на левый фланг, к реке, и делай дело. Вы с Хаазе должны размочалить им весь левый фланг, скажи своим лучшим стрелкам, чтобы перебили там сержантов, я потом на тот их фланг сам навалюсь резервом.

– Если снова не пойдёт дождь – всё сделаю, – обещал Роха, кивнул генералу и, отпивая в который раз из фляги, поехал к стрелкам, на ходу крича во всё горло: – Эй, Вилли, скажи бездельникам, что пришло время поработать немного!

– Да, полковник! – звонко крикнул молодой капитан в ответ. И поскакал к своим подчинённым. И вскоре стрелки, как обычно россыпью, без какого-либо порядка, двинулись в сторону реки, туда, где уже более часа трудился ротмистр Хаазе с бомбардиром Шмидтом и другими артиллеристами.

Дело началось, наступало как раз то самое короткое время, ради которого многие тысячи людей покинули свои дома, неделями шли в какие-то дали, мучали лошадей, таща с собой большие обозы и тяжёлые пушки. Все эти усилия свершались как раз ради нескольких предстоящих часов, которые всё и должны были решить.

– Полковник, – произнёс Волков.

И Брюнхвальд сразу откликнулся:

– Да, генерал.

– Вы с одной из колонн резерва будете ждать тут и используете резерв, если наша баталия начнёт пятиться или прогибаться. А я...

– Я слышал, вы обойдёте и ударите их в левый фланг.

– Да, как только для того будет благоприятный момент.

Будем надеяться, что сто крепких солдат решат исход.

– Не очень-то вы веселы, – тихо замечает полковник.

Волков морщится:

– Не люблю я эти большие дела. Сплошной Божий суд, в котором от нас мало что зависит.

Брюнхвальд ничего не говорит, видно, с этим и он согласен: да, это Божий суд. Полковник надевает шлем и смотрит поверх голов солдат; он видит, как медленно, но неумолимо на них идёт почти две тысячи человек, желающих убивать всех, кто встретится им на пути. Вот они, близко, уже можно разглядеть их тяжёлые от влаги знамёна. Триста шагов... Двести пятьдесят.... Барабаны еретиков начинают бить другой ритм.

Там-та-рам. Там-та-рам. Это сигнал «приставной шаг».

Их сержанты выбегают вперёд, последний раз прямо на ходу враг ровняет ряды, ещё сто шагов, и они опустят пики.

И тут, первый раз за всё время, пушки делают два отличных выстрела. Теперь дистанция такова, что в дело идёт крупная картечь. Она с визгом накрывает свинцовыми пригоршнями левый угол баталии безбожников. Даже до генерала доносятся крики несчастных, которым не повезло. Два десятка человек валятся на землю, как брошенные кем-то мешки, один на другого. Причём часть людей – это лучшие солдаты, бойцы первых рядов. Левый фланг баталии оста-

навливается, а центр и правый фланг ещё идут. Строй искривляется, и тут же снова звенят трубы:

«Стоять на месте! Стоять на месте!».

Баталия остановилась. Сержанты снова кидаются выравнивать строй. А от реки, как раз выйдя из-за пушек, на них пошёл полковник Роха со своими бравыми стрелками.

– Кажется, дело пошло, – скорее самому себе, чем кому бы то ни было говорит полковник Брюнхвальд, – кажется, пошло.

Судя по всему, он доволен тем, как развиваются события, а вот генерал смотрит не перед собой, он вглядывается в другую сторону. Туда, где будут разворачиваться главные события, туда, куда звонко частят выстрелами его кулеврины, туда, где на баталию маршала цу Коппенхаузена идёт главная баталия маршала ван дер Пильса. Но это всё далеко, а ещё ветер сносит пушечный дым, и ему почти нечего не видно.

А тут словно кто-то порвал старую ткань – то захлопали, затрещали аркебузы. И за ними, через минуту, зло и солидно зафыркали мушкеты. Стрелки взялись за свою работу. Для них нет цели лучше, чем коробка плотно сбившихся пехотинцев, которые ни при каких обстоятельствах, как их ни расстреливай, не покинут свой строй.

Сержанты еретиков почти уже выправили строй, но аркебузиры, подходя на тридцать шагов, бьют солдат, у которых не хорошо с доспехом; выстрелив, тут же уходят, чтобы перезарядиться и открыть пространство для мушкетёров. Те

бьют с рогатин, со ста шагов. Им подходить ближе нет смысла. Мушкетной пуле всё равно, как защищён человек, ведь мало какая броня сможет её остановить. Но тем не менее, не обращая внимания на падающих под пулями людей, баталия врага снова двинулась вперёд. Им нужно спешить, пока кар-тауна и лаутшланг не выплюнули в их сторону следующую порцию картечи.

К Волкову подъезжает Хенрик.

– Господин генерал, может, уже пора надеть шлем?

Пожалуй, он прав.

– Да, друг мой, давайте наденем его.

И пока его оруженосцы помогали надеть шлем, всё пере-менилось. В одну минуту. Барону ещё до того казалось, что ветер не утих, но стал менее злым, и вообще потеплело, а к низким облакам добавились ещё более низкие, темные и тя-жёлые. И вдруг из них на собравшихся биться людей посы-пался... снег. Огромными, медленными, влажными хлопья-ми, которых в одно мгновение стало так много, что ничего через них не было видно на сто шагов.

Но что было ещё хуже, так это то, что ветер понёс весь этот снег в лица его солдатам. Закружил его прямо перед строем.

Пушки глухо бахали из белой пелены, и мушкетные хлоп-ки прорывались через снег, но всё переменялось из-за вне-запной непогоды. Враг в снегу вдруг стал неразличим.

«Лишь бы он не помешал людям Рохи стрелять!».

– Не иначе то козни дьявола! – воскликнул фон Готт, пы-

таясь вглядываться в белую пелену. – Ни черта не видно!

– Конечно же, рогатый помогает своим слугам, – сразу согласился с ним Хенрик.

Волков обернулся к ним, прикрикнул:

– Господа... Прикусите языки! Болваны! Хотите, чтобы нижние чины вас слышали?

А снег летел такой, что он и вспомнить не мог, видел ли он такой хоть раз за свою жизнь.

Только одно его немного успокаивало: сквозь снег ещё доносились россыпи мушкетных хлопков и выстрелов аркебуз. Вот только пушки...

– Хенрик, – позвал Волков.

– Да, генерал.

– Ничего не вижу, скачите к Рохе, посмотрите, где там еретики. И узнайте у Хаазе, почему он не стреляет.

Хенрик уехал, а Рене предположил:

– Может, Хаазе не видит вражескую баталию? Вон снег какой! – размышлял полковник.

– А Пруфф почему тогда видит? – спросил Волков, и, как подтверждение его слов, тут же справа прозвучали два выстрела.

Пам-пам...

Кулеврины стреляли и стреляли.

Рене ему не ответил, а уже через небольшое время приискал обратно Хенрик и, не отдышавшись после быстрой езды, заговорил радостно:



– Вилли сказал, что его мушкетёры ранили их генерала. Тот прискакал на фланг узнать, почему фланг стоит, тут ему влепили в бок пулю. А ещё там их сержанты пытаются построить, но наши их убили уже изрядно, так что враг встал и не идёт.

– А почему же не бьют пушки? – спросил у него Брюнхвальд.

– Хаазе говорит, что через снег ему плохо видно, а там наши аркебузиры, они к еретикам подходят совсем близко, вот он и боится наших побить.

«И ладно, лишь бы стрелки продолжали стрелять!». Это был отличный момент, даже если был ранен не генерал, а кто-то другой, застрявшая на полпути, потерявшая много сержантов и замершая под огнём баталия врага была отличной целью для быстрого удара во фланг.

Волков поворачивается к Брюнхвальду.

– Пожалуй, полковник, резерва я вам не оставлю. Я заберу всех людей Лаубе.

– Думаете, время пришло? – спросил его товарищ.

– Думаю, да. Если они всё-таки двинутся на вас, уж извольте удержать их, пока я не начну. Флюген!

– Да, генерал, – отозвался молодой господин.

– Скачите к Лаубе, пусть ведёт колонны на левый край, к нашим стрелкам, скажите, что мы будем атаковать, что я сам поведу солдат.

– Да, генерал, – понял фон Флюген и тут же уехал.

– Франк!

– Да, генерал, – отозвался прапорщик.

– Вы со штандартом остаётесь тут, при полковнике Брюнхвальде. Он будет за меня.

– Может, вы возьмёте штандарт и охрану? – предложил полковник.

– Нет, я пойду в атаку со знаменем стрелков, – ответил генерал и, молча пожав полковнику руку, так как говорить было больше не о чем, поехал с молодыми людьми из своего выезда вслед за уходящими к реке колоннами Лаубе.

# Глава 11

А снег, кружимый ветром, всё сыпался и сыпался, он уже покрыл всё вокруг, казалось, что от него даже стало светлее, и он не собирался заканчиваться. Чёрная «коробка» была едва различима из-за белой пелены. Оттуда раздавались уже нечастые выстрелы мушкетов и аркебуз.

Вокруг генерала собрались облепленные снегом Роха, Лаубе и Вилли.

– Капитан Лаубе, стройте людей в десять рядов, капитан Вилли, попробуйте с аркебузирами забежать еретикам в тыл, но будьте осторожны. Полковник Роха, просите своих мушкетёров не закрывать артиллеристам противника. Хаазе не стреляет, боится попасть в ваших людей. Лаубе, как только будете готовы, сразу и начнём.

Он ещё что-то собирался сказать, но тут из снежной круговерти со стороны баталии еретиков выскочили два всадника. Оба в снегу; если у них и были гербы, или шарфы, или другие знаки, снег всё залепил, и разобрать, кто это, не было никакой возможности. Доспех у них был не рыцарский, копий не было. Но всё равно у генерала едва не остановилось сердце:

«Кавалерия еретиков?».

Но дальше ни испугаться, ни додумать он не успел, один всадник просто проскакал мимо них, а вот второй всего на

одно мгновение остановил своего коня и что-то прокричал офицерам. Прокричал всего два слова, махнул рукой и тут же, дав шпоры, понёсся вслед за первым.

Генерал и Лаубе были в шлемах, они не могли расслышать слов всадника; на Рохе была его старая шляпа, но он был чуть глуховат, и поэтому спросил у Вилли, тот тоже был в шляпе:

– Что он там проорал?

– Я не разобрал, но кажется «уходите, отступайте».

– «Отступайте?», – уточнил Волков.

– Кажется, генерал, – Вилли не был уверен.

– Хенрик, скачите к Брюнхвальду, узнайте, что происходит.

Нет ничего хуже в бою, чем неопределённость. Солдаты Лаубе вроде уже начали строиться, но нужно ли это? Будет ли атака? Волков не знал. Роха был при нём, Вилли, пока всё не прояснится, тоже не уводил аркебузирова, и Лаубе, отдав распоряжение, вернулся под знамя. Выстрелы мушкетов почти стихли.

Снег. Тёмная неподвижная стена вражеских солдат невдалеке.

Неопределённость.

Дождаться возвращения Хенрика не пришлось; оттуда же, откуда прискакали два первых всадника, приехал ещё один. То был знакомый Волкова. Один из капитанов курфюрста, уже состарившийся в войнах. Имени его генерал не помнил. Капитан был ранен, левый бок и левая рука были чёр-

ными, он подъехал к офицерам и, не поздоровавшись, хрипло прокричал:

– Отводите своих людей, генерал, мы разбиты!

– Разбиты?! – воскликнул Вилли. – Как разбиты? Что произошло?

– Правое крыло наше разгромлено и бежит; говорят, фон Эссен смят, но сам я того не видел, главная баталия тоже вот-вот побежит, ей вышли во фланг!

– Но как? Отчего же так быстро нас разбили? – спрашивал молодой капитан у старого.

Глупые, глупые вопросы. У Вилли Ланна ещё не было в его карьере подобного, вот он и спрашивал.

Но Роха и Волков, всякое уже видевшие, ничего спрашивать не стали и не особо слушали, что им расскажут. Это потом они выяснят как, кто и почему. Сейчас им было не до того.

Генералу бы подумать о себе – попасть в плен к еретикам... с его прозвищами, с его делами в городе Фёренбурге, с его шатром... Но он и на мгновение не вспомнил про себя.

«Пушки! Мои пушки!».

Волков поворачивается к фон Флюгену:

– Флюген, – он указывает через снег рукой, – вон там, у реки, ротмистр Хаазе, скачите к нему, скажите, чтобы цеплял пушки и тащил их в сторону деревни. И обоз пусть не бросает, – и тут же повернулся к Брюнхвальду-младшему: – Максимилиан, езжайте к Пруффу, помогите ему забрать ку-

леврины. Пусть тянет их к реке, в сторону лагеря. А там будет видно.

Вот о чём он сразу подумал. Ему страшно не хотелось терять свои орудия. Роха же позвал своего полкового трубача, а тот, наверное, понял, что происходит что-то неладное, он был бледен:

– Чего изволите, господин полковник?

– Играй «ко знамени», парень, – ответил ему полковник спокойно. – Играй громко, чтобы наши парни тебя и через этот чёртов снег слышали.

Роха начал собирать своих стрелков. Полковник всё делал правильно. И Волков лишь сказал ему:

– Я поеду к Брюнхвальду, а ты с Лаубе прикрой отход пушек.

– Не волнуйся на счёт них, я за ними присмотрю.

Мимо него и ему навстречу уже тянулись солдаты, они шли быстро, без всякого строя, их было немало.

«Наши?! Неужели это те люди, которых я сюда привёл?». Генерал знал, что вот-вот всё войско проигравшей стороны, а может, и войско победителей погрузится в хаос. Но думал, что у него ещё есть время.

Но времени, как выяснилось, у него не было. Он поскакал к своему штандарту, у которого нашёл полковника Брюнхвальда.

– Я послал за вами вестового, – сразу сказал тот.

– Я его не видел, а что тут происходит?

– Главная наша баталия разваливается, люди уже уходят, был тут офицер, сказал, что маршал уже уехал. Офицер уехал тоже. Враг, кажется, вперёд больше не идёт, Роха и Хаазе его сильно потрепали, вот я приказал поротно выводить людей, Рене уже строит колонну. Оставим небольшой заслон. С остальными думаю отойти к лагерю. А оттуда пойдём колонной через деревню; возможно, главный лагерь ещё неприятелем не захвачен, или он не захочет с ним связываться, попробуем отойти строем и без потерь.

– Вы делаете всё правильно, – утвердил решения полковника генерал, – а не было ли Пруффа? Я послал к нему Максимилиана. Вы его не видели?

– Нет, ни Пруффа, ни прапорщика я не видел, – отвечал Брюнхвальд, и ни один мускул не дрогнул на лице отца, когда в такой тревожной ситуации он говорил о сыне.

– Ясно, – произнёс генерал, – вы, Карл, выводите людей к лагерю, Хаазе тащит пушки туда же, Роха и Лаубе его охраняют, я поеду к Пруффу, узнаю, что с ним. Франк, моё знамя должно быть при мне, трубач, ты тоже едешь со мной.

Небольшой отряд конных людей двинулся на север. Генерал, трое молодых господ – теперь среди них старшим был семнадцатилетний фон Готт, – прапорщик Франк со знаменем и шестнадцать человек охраны штандарта. Люди из его земли, люди отборные, на которых он мог положиться. И ещё с ним был трубач. Ехать с генералом в заметённую снегом даль этот человек явно не хотел. На кой чёрт нужно ехать

навстречу еретикам, когда все как раз бегут отсюда. Он вертел головой, оглядывая солдат, что шли им навстречу, и не слышал, как генерал к нему обращался. И тогда тот, подъехав к нему, схватил трубача за шею и зло сказал:

– Оглох, что ли? Дурень! Играй «ко знамени». Слышишь меня?

Перепуганный трубач нехотя заиграл:

Тара-ра, тара-ра, та-тааа...

Тара-ра, тара-ра- та-тааа...

Это был сигнал, говоривший всем, кто его слышал, что начальник тут, он знает, что делать, и если ты выбился из своего строя и не знаешь, куда встать, нужно идти, бежать на зов трубы, на знамя командира, который укажет тебе место.

– Играй-играй, – покрикивал генерал, а сам ехал вперёд, навстречу летящему снегу.

Ему попадались солдаты, они были при своём малом оружии, без пик и алебард, без голендагов, без молотов и копий, лишь при фальшионах и при коротких мечях кацбальгерах, а то и вовсе при ножах. Они делали вид, что не слышали сигнала, и только ускоряли шаг при виде знамени. А потом и вовсе отводили глаза: ничего не вижу, ничего не слышу.

– Эй, мерзавцы! – кричал им Волков. – Вы, что, не слышите трубы?! Идите ко мне!

– Нет, добрый господин, мы уходим! – кричали солдаты ему в ответ. – Дело проиграно!

– Чёртовы трусы! – орал на солдат Франк. – Куда вы идёте,



идите к нам, вместе ведь лучше! Вас по одному перебьют!

— Ты бы и сам поспешил отсюда, — отвечали они ему, — уж такого, как ты, еретики точно не пощадят. Да и идёшь ты в неправильную сторону, лучше идти обратно.

— Играй, играй, трубач, — несмотря на все эти слова, требовал Волков и ехал как раз туда, откуда бежало всё больше и больше людей.

Волков обрадовался, когда среди кутерьмы из снега и бегущих людей различил во всаднике Максимилиана Брюнхвальда. Генерал бы и сам себе в том не признался, но он очень ценил молодого офицера. Там же был и Пруфф на своём неказистом, но крепеньком меринке.

— Всё почти готово, генерал, — доложил прапорщик, — обоз с порохом уже ушёл, а последнюю кулеврину уже прицепили к упряжке.

— Вы молодец, Максимилиан, — похвалил офицера генерал.

— То не я; когда я приехал, господин майор уже снимал пушки с позиций.

Хотел генерал и его похвалить, но майор даже не подъехал к нему, а поскакал к лагерю, а за ним потянулись упряжки с пушками.

— Скачите за ним, Максимилиан, — приказал Волков и сам поехал следом чуть погодя.

Ехал и смотрел по сторонам. Да, вот теперь картина походила на настоящий разгром; мимо него проскакало несколь-

ко офицеров, последний на ходу снимал с себя офицерский шарф. А за ним уже во множестве либо быстро шли, либо бежали трусой солдаты. Все без главного оружия. Всё бросили, чтобы легче было бежать.

Волков взглянул на трубача; тот, то ли от холода, то ли от страха, стал совсем бел лицом, и генералу показалось, что ещё мгновение – и он пришпорит коня и без разрешения поскачет отсюда прочь.

– Куда?! – рявкнул Волков. Он приехал за своими пушками и теперь уже не собирался их бросать. – А ну играй! Играй «ко знамени», мерзавец!

Трубач поднял трубу и стал дуть, но со страху, наверное, выдувал лишь какие-то дурацкие звуки, в которых никакого сигнала распознать было невозможно. Звуки были такие, что трубач их постеснялся и опустил трубу: не могу.

И тогда барон, подъехав, с размаха влепил ему подзатыльник тяжёлой железной перчаткой. Ударил так, что у трубача едва шлем с головы не слетел, а барон ещё и приговаривал:

– Играй, сказано тебе, «ко знамени». Играй, говорю.

И только после этого трубач пришёл в себя, поправил шлем и снова поднёс свой инструмент к губам:

Тара-ра, тара-ра, та-тааа...

Тара-ра, тара-ра- та-тааа...

Впереди ехали Пруфф с Максимилианом, за ними возницы вели под уздцы лошадей, что тянули четыре кулеврины. А уже после, под знаменем и с трубачом, охраняя свои пуш-

ки, ехал, словно и не бежал с поля боя после проигранного сражения, а собирался на смотр, сам генерал Фолькоф, фон Эшбахт, фон Рабенбург. На удивление невозмутимый и показательно спокойный.

– Играй, трубач, не замолкай! – требовал генерал.

Лошадям тянуть орудия тяжело, всё поле вокруг – это чуть припорошенная снегом грязь, поэтому колонна идёт не спеша. Так не спеша, что её быстрым шагом нагоняет отряд из трёх десятков пехотинцев. Эти оружие свое не бросили, впереди человек с повязкой на руке – сержант. Он догоняет генерала:

– Господин, мы пойдём с вами.

– Как тебя звать, сержант? – генерал останавливается.

– Кляйн, господин.

– Отлично, сержант, а я генерал Фолькоф, пойдёшь со своими людьми в арьергарде.

– Как прикажете, – говорит сержант Кляйн.

А генерал тычет кулаком в бок трубача:

– Ну, что замолчал? Играй, я тебе говорю, бездельник, играй!

## Глава 12

Этот удивительный снег не мог идти вечно; укрыв всё вокруг, и землю, и людей, белым одеялом, снегопад, кажется, пошёл на убыль. Лошади, напрягая силы и почти разрывая упряжь, тащили кулеврины по всё ещё жидкому, сверху прихваченному морозцем грунту. Трубач ехал с генералом рядом и, выпучивая глаза, трубил и трубил «сбор»:

Тара-ра, тара-ра, та-тааа...

Тара-ра, тара-ра- та-тааа...

Звон трубы уже осточертел Волкову, но он не позволял трубачу останавливаться, тем более что всё больше солдат вставали под его знамя и строились в колонну после него. Он оборачивался, и взгляд опытного солдата находил в колонне уже двести человек. Правда, многие не останавливались, а, оббегая генерала, спешили на юг к деревне, думая, что сейчас им лучше бежать, чем идти в строю.

Вот уже набранная им колонна с кулевринами во главе дошла до места, где ещё недавно стояла его баталия. Брюнхвальд уже увёл солдат к лагерю. От множества его людей следов не осталось, следы замёл снег. Генерал даже подивился: как быстро они ушли, неужто бежали? Да нет, Карл не дал бы им бежать.

А вот враги тут были, и их было больше, чем людей у генерала, хотя не все еретики остались на поле, некоторые

уже убежали грабить большой лагерь, а оставшиеся собирали своих раненых, уносили их – или опознавали мёртвых; в общем, безбожники бродили кучками по месту сражения, а сейчас смотрели на вражеского генерала через ещё идущий снег, смотрели на его знамя, слушали его трубача и были злы, но среди них, видно, не находилось желающих – скорее всего, не было среди них хорошего офицера, который решился бы собрать людей, построить их, пойти и отобрать у нагло-го генерала пушки. Да и найдись офицер, не всякий захотел бы начинать драку. И это было понятно, дело-то выиграно, а после выигранного дела умирать уже никому не хочется. Бог с ними, с этими пушками. Так на него никто напасть и не решился, а он по дороге, благодаря трубачу, собрал к своему знамени без малого три сотни солдат и дотащил свои кулеви-рины до холмов у реки. И увидел, что под холмами чёрной стеной стоит колонна солдат. А ему навстречу приехал Рене, он явно был взволнован.

– Брюнхвальд посылал человека в деревню, еретики уже там, пока что мало, Дорфус поехал с небольшим отрядом посмотреть, сколько их там.

Он говорил не просто взволнованно, он говорил ещё и громко, а трубач прислушивался, да и остальные люди, что были рядом, тоже могли его слышать. Волков не успел его одёрнуть, Рене уже всё сказал, поэтому генерал лишь произнёс:

– Успокойтесь, полковник, держите себя в руках. Безбож-

ники кинулись грабить главный лагерь. Им сейчас не до нас.

Хотя Рене, конечно, можно было понять. Солдат да сержантов безбожники могли ещё и пощадить, это как повезёт, а вот офицерам на милость этих нечестивых рассчитывать не приходилось, еретики воевали за своего дьявола, воевали остервенело и в плен на выкуп не брали. Ну, ежели только попавшийся к ним офицер не решит перейти в их богопротивный стан. Офицерам нужно было спастись. Бежать. Но в том-то и дело, что бежать уже было некуда. Первым делом враг, конечно, кинулся в главный лагерь, а он находился на юге от Гернсхайма. На выезде из села. Как раз на дороге к спасению. На востоке были поля, с которых он только что вывез кулеврины, на севере лагерь еретиков. На западе... широкая, быстрая, темная и холодная река Марта. Бежать было некуда, и Рене это прекрасно понимал, вот и волновался. Также это понимал и Карл Брюнхвальд, поэтому и не распустил колонну. Он знал, что придётся идти через деревню к лагерю, на юг, где, если повезёт, они просто пройдут мимо врага. А если нет, то будут пробиваться. Генерал был поначалу уверен, что сильно препятствовать ему еретики не будут. Махнул рукой: мол, катитесь! Кому охота строить озлобленных, оторванных от грабежа солдат, а потом лезть с ними на пики, картечь и мушкетные пули, когда можно, попивая вино и пиво, жарить мясо и копаться в офицерских сундуках. Вот только пушки... Увидят их безбожники и, вполне вероятно, отпускать не захотят. Впрочем, всё это были толь-

ко мысли; может, враги и на пушки не обратят внимания.

Больше своему родственнику генерал ничего говорить не стал, а поехал вдоль колонны солдат. Теперь нужно было приободрить людей, что, стоя в колонне, ждали его решения. Прапорщик Франк со знаменем и молодые господа из его выезда ехали за ним. Волков хотел, чтобы люди его видели. Видели, как он спокоен, и сами не волновались. Рене поехал рядом.

Как раз тут их нагнал Брюнхвальд.

– Вы всё знаете? – сразу спросил он.

– Про то, что еретики уже и в деревне, и в большом лагере?

– Да, и их там изрядно, уже даже и понять не могу, как они оказались нас быстрее. Видно, наш правый фланг и получаса не простоял. Побежал, а нечестивцы за ним.

– Много их в главном лагере? – уточнил Волков.

– Про то мне ничего не известно, а что ещё хуже, так это то, что в деревне тоже они имеются, мне один сержант рассказал, что когда он с парой десятков людей пытался бежать через деревню, увидел полторы сотни еретиков, они грабили кирху. Что уж с попом будет, я и не знаю. А сержанту пришлось вернуться. К нам прибился.

– Полторы сотни? – переспросил генерал и подумал, что это было бы прекрасно, если бы безбожников было в деревне так мало.

– Про большее мне неизвестно, я послал Дорфуса с

людьми посмотреть, что там.

Брюнхвальд уже сделал то, о чём распорядился бы сам генерал.

– Хорошо, Карл.

– Нужно только решить, что делать с обозом.

– С обозом? – Волков на секунду задумался.

– Да, я вот думаю, пока мы не пошли, надо ли снимать палатки?

– Забудьте про них, Карл, и про обоз тоже, нам хотя бы пушки уволочь отсюда. Забираем всех лошадей и уходим.

– А ваш шатёр?

– Ах, да..., – как он мог про него забыть? Он обернулся. – Хенрик, прошу вас, скачите к Гюнтеру и сверните мой шатёр.

Хенрик понимающе кивнул и уехал; генерал и два полковника как раз добрались до головы колонны. Тут, на окраине деревни, был Роха и его стрелки. Волков сразу обратил внимание, что у стрелков, рассыпавшихся у въезда в деревню, тлели намотанные на кулаки фитили. Видно было, что они всё понимают. Роха всем всё объяснил. Сам полковник, увидав генерала, подъехал к нему и сказал:

– Ждать – время терять, думаю, что пора мне пойти. А вы уже за мной. Если кто в деревне есть, я того прогоню, а если много будет, то подожду вас.

И то было хорошее решение, времени у генерала и его людей было мало. Опомнятся еретики от победы, остынут от



грабежа, – соберут людей и не дадут уйти. Уж пушки точно не дадут утащить. Колонна ждёт, сейчас тысячи глаз смотрит на офицеров, ожидая решения. Одного его слова было бы достаточно, чтобы эти люди двинулись в деревню. Брюнхвальд, Рене, Роха, и тут же ещё несколько капитанов подъехали, все ждут его слова. Мало того, они все напряжены, они все уверены, что время пришло, что пора двигаться, пора идти в прорыв. И что вот-вот он отдаст команду: вперёд. Даже трусливый трубач, и тот ждёт, вон он уже и губы облизывает, готовый трубить.

Но Волков не любил поступать наобум, без знания того, что происходит. Без понятия того, что перед ним. Пусть ждут. Он не примет необдуманного решения, даже если все его люди во главе с проверенными офицерами этого ожидают.

– Нет, – наконец произносит генерал, – дождёмся майора Дорфуса.

Он видел, как невольно скривился Роха: ну какого дьявола? Как тяжело вздохнул Рене: Боже, ну почему он медлит? Только Карл Брюнхвальд согласился с ним:

– Да, наверное, лучше будет подождать некоторое время, чем идти в неизвестность.

– Надеюсь, что ждать нам придётся немного, – произнёс Рене.

Роха же не сказал ничего, он молча отъехал от генерала, поближе к своим людям, вытащил свою неизменную флягу

и потряс её.

Кажется, он был недоволен не только генералом, но и количеством содержимого своей фляги тоже.

Ждать Дорфуса долго не пришлось, вскоре передовые стрелки, что стояли у первых домов поселения, оживились. скачут! Скачут!

Минуты не прошло, как по деревенской дороге выехало пять всадников, а ещё один человек, прихрамывая, бежал за ними. Впереди в шарфе старшего офицера сам Дорфус.

Всем стало ясно, что с ними что-то приключилось, а когда всадники подъехали ближе, Волков увидел, как из плеча коня майора торчит оперение арбалетного болта, а рука его, перчатка, вся тоже в крови.

Дорфус подъехал к офицерам и, остановившись, сразу заговорил:

– Выезд из деревни чист, но главный лагерь набит нечестивыми – грабят; дальше дорогу на юг закрывают пятьсот пехотинцев в тысяче шагов от села.

– Караулят? Застава? – сразу спросил Рене, опережая генерала. Он, видно, надеялся, что их мощная колонна сожмёт заставу еретиков, если те не стоят в строю.

– Какая там застава, стоят уже построены. Ждут! – восклицает обычно спокойный Дорфус.

– А в селе арбалетчики, – произнёс Роха, разглядывая оперение болта, торчащего из коня майора. – Много их там?

– Много, но сколько их, сказать не могу; до выезда из де-

ревни, пока туда ехали, мы никого не видали, прятались мерзавцы, а как поехали обратно, так в каждом переулке их по два десятка было, и ещё из-за каждого забора болты летели. Галопом пришлось ехать, но всё равно одного нашего человека и двух коней потеряли.

«Пушки... Пушки, пушки... А пушки-то придётся бросить».

Это была первая мысль, что пришла Волкову в голову, но вслух он ничего не сказал. За него начали говорить другие, хотя он никого не просил.

– Пойдём быстро, один хороший удар – и сомнём эти пять сотен, – предложил Рене.

– Роха поделит стрелков, мушкетёры пойдут вперёд, в голове колонны, и сделают хоть пару залпов, пока колонна не начнёт дело, а аркебузиры постреляют в арбалетчиков, – предложил Дорфус.

– Вы уж тогда дайте мне хоть пару рот пехоты, – сказал Роха. – Пару рот, у которых доспех получше. Иначе эта сволочь с арбалетами побьёт мне моих аркебузирова.

– Да, – поддержал его Дорфус, – пусть аркебузиры идут с капитаном Лаубе, в его ротах самый лучший доспех.

– Роты Лаубе, – напомнил им Брюнхвальд, – я поставил в голове колонны, лучше них никого нет. Им сбивать заслон.

– У кого ещё из капитанов есть хорошие роты? – спросил Роха.

– Сейчас я выберу пару сотен человек, – обещал ему

Брюнхвальд.

– Только с хорошим капитаном, – пожелал полковник стрелков.

– Надо всё сделать быстро, пусть пехотный капитан подчиняется стрелкам, – настаивал Рене. – Пусть капитан Вилли будет главным, он выбьет арбалетчиков из деревни. А колонна должна идти сразу за стрелками. Время терять нельзя.

С этим все были согласны, и Брюнхвальд уже повернул коня, чтобы ехать к колонне за пехотным отрядом, но генерал, который, кажется, молчаливо одобрял все, что было высказано его офицерами, вдруг произнёс:

– В деревню мы не пойдём.

Все оборотились к нему. Лица удивлены: не пойдём в деревню? А куда же пойдём? И лишь Рене отважился на вопрос:

– Отчего же мы не пойдём в деревню?

– Оттого, что это ловушка.

– Ловушка? – переспросил Дорфус.

– Конечно, – продолжал генерал. – Заслон из пяти сотен людей поставили, зная, что у нас полторы тысячи, да ещё стрелки есть. Заслон этот мы проломим, они и драться-то не станут, побегут, как только мы подойдём, а когда мы выйдем и пойдём по дороге – вот тогда они все и появятся. В чистом поле нас и встретят. Станут наезжать кавалерией на хвост колонны. Задержат, остановят, обойдут, подтянут главные силы, арбалетчики из деревни прибегут, может, и пушки какие

прикажут.

– Вы думаете? – чуть удивлённо спросил Дорфус. – Откуда вам про то известно?

– Потому что я сам так бы и сделал, – ответил генерал.

– А почему же они не напали на нас сразу? – не понимал Рене.

– Не хотят драться в деревне, – ответил Волков. – Здесь, у домов, им не развернуться, нет возможности использовать своё преимущество в численности и кавалерии. Хотят, чтобы мы вышли на открытое место. А там уже навалятся и растопчут. Они нас выманить хотят, потому и заслон слабый поставили. Мол, идите, мы вас не задерживаем... почти.

– И что же нам делать? – растерянно спросил Рене.

Волков осмотрел своих офицеров и ответил:

– Делать надобно то, чего они опасаются более всего другого.

– И что же это? – спросил Роха.

– Чего они опасаются? – спросил Рене.

– Они боятся, что мы отойдём в лагерь, – ответил генерал. – И им придётся оттуда нас выбивать.

– В лагерь? Но это значит..., – заговорил Дорфус, – нам придётся сесть в осаду.

– В ином случае нас разобьют в поле, разобьют в пух и прах, – отвечал ему генерал.

– Может всё-таки стоит попробовать, пойти сбить заслон и уйти; если пойти быстро, может, удастся вырваться, – пред-

ложил полковник Рене.

Волков взглянул на его коня и ответил:

– У вас конь неплохой, дорогой мой родственник, да вот только несвеж он, с вечера под седлом, случись что, так вы от их кавалерии можете и не ускакать.

– Я и не рассчитывал на это..., – стал оправдываться полковник.

– Может кто-то и уйдёт, к кому-то Господь будет милостив, – продолжал генерал, – но пеших всех побьют, сомнут, сил на это у них хватит, отодвинут к реке и переколют всех, кто не утонет. В общем... нам не дадут уйти. Ни при каких условиях. Кто из вас, господа, в том сомневается?

– Не дадут? – как бы хотел уточнить полковник Рене. Он, кажется, всё ещё сомневался и опять был взволнован, его выдавал тон. – Вы уверены, господин генерал?

– Я бы не дал, – отрезал Волков. – Или кто-то думает по-другому?

Он глядел на офицеров, ожидая ответа. Но никто ему не ответил, теперь все всё поняли и все ждали приказа. А так как Волков молча вглядывался куда-то в сторону деревенских домов, то Карл Брюнхвальд произнёс:

– Прикажете заводить солдат в лагерь?

– Да, полковник, уже пора, заводите и кормите людей, – отвечал ему генерал. – Но треть оставьте в доспехе.

## Глава 13

Уж и не сказать, были ли солдаты рады возвращению в лагерь.

– В лагерь? Как в лагерь?

Люди волновались. Многие из них были готовы пойти на юг, на прорыв. И когда узнали его решение, стали кричать ему:

– Господин, что же это? Не уходим мы, что ли?

– Нет. Идём в лагерь, – громко, чтобы его слышало как можно больше солдат, отвечал за генерала майор Дорфус. – Велено всем идти в лагерь, а там готовить еду.

– Да не хотим мы в лагерь, сидеть тут, у реки, на этом холоде, чего же в том хорошего? Нужно пробиваться на юг!

Волков остановился, крикунам рты надо было закрыть, а всем остальным солдатам объяснить ситуацию. Да, офицеры им расскажут, как обстоит дело, но в этой ситуации слово самого генерала было совсем не лишним.

– Желаете помереть раньше времени?! – закричал Волков, перекрикивая всех прочих. – За деревней вас ждёт шесть или восемь тысяч еретиков, да полторы тысячи кавалерии, да арбалетчики с аркебузирами! Хотите всех их в поле встретить?! – он сделал паузу. Теперь крикуны замолкли, все, кто был рядом, слушали его, повернув к нему свои лица. И он продолжил: – Еретики просят сатану и ждут, что он отведёт

нас от укреплений. И если кто желает сегодня принять от нечестивцев смерть праведную, пусть сам идёт к ним в лапы. Без меня. Я слишком много должен менялам и банкирам, чтобы помирать сегодня. Впрочем, конь мой хорош, он может меня вывезти, и я, если бы дал Господь, мог бы и уйти от смерти, но я остаюсь с теми, у кого нет хороших коней. Слышите? Солдаты, я остаюсь с вами! И знаю, что лагерь наш еретики не возьмут. Зубы обломают. Так что многие из тех, кто останется со мной... ещё поживут.

Он не стал слушать, что ему ответят солдаты, он всё сказал, и мнение других его мало заботило; барон повернул коня и поехал к холмам. За ним сразу поехал и Дорфус. А Брюнхвальд, Роха и Рене остались с колонной и стрелками. Подозвали к себе капитанов и стали раздавать приказания.

– Господин фон Готт, – произнёс генерал, поглядев на холм и на своих денщиков, которые с помощью двух возниц из обоза и под присмотром Хенрика собирали шатёр. Слуги торопились, наверное, боялись, что солдаты уйдут и оставят их на растерзание безбожникам. – Скачите к ним и скажите, чтобы ставили его обратно. И пусть готовят мне обед.

Фон Готт уехал, а генерала нагнал Брюнхвальд и поехал рядом. Старый солдат был человеком дела и сразу захотел узнать, что генерал надумал делать.

– Будут какие-нибудь приказания?

– Нам нужен ров, Карл, – Волков и сопровождавшие его приблизились к подножию дальнего, северного, холма. Он



поднял руку и стал указывать. – По всему подножию холмов, от тех палисадов и до самой деревни. Хороший ров, со ска- том, глубиной по грудь и в три шага шириной.

– Перед палисадами тоже копать? – уточнил полковник.

– Обязательно. А ещё нужно подготовить позиции для орудий. Этот сапёр, не помню, как его зовут... Кажется, он ещё не сбежал, я видел его людей у нас в конце колонны...

– Мастер Ридберг, – напомнил Дорфус. – Нет, не сбежал, не успел.

– Нужно, чтобы он подготовил позиции для пушек. Я хо- чу, чтобы позиции для больших орудий были и на северном холме, и на том, где расположен мой шатёр. А позиция для кулеврин должна быть на южном холме, напротив дороги, самое опасное направление – это поля за дорогой; но сначала нужно всё согласовать с артиллеристами. Пусть Пруфф осмотрит и решит, как ему будет удобнее.

– Ясно, – сказал Дорфус.

– Да, – чуть подумав, продолжил генерал, – скажите это- му Ридбергу, что пока он поступает в полное распоряжение майора Пруффа.

Генерал стал разворачивать коня, ища кого-то взглядом:

– Максимилиан!

– Я тут, генерал, – отозвался прапорщик.

– Для вас у меня есть дело щепетильное.

– Я готов, генерал.

– Возьмите у Рохи двадцать стрелков, а у Лаубе два-

дцать пехотинцев, берите тех, что помоложе. Вам потребуются проворные люди, дело должно быть тихим. А потом езжайте по реке на юг, там у домов маленькие пристани. Их даже с дороги видно. Заберите оттуда все лодки, что найдёте.

– Лодки? – молодой офицер немного удивился.

– Лодки, прапорщик, лодки, – чуть твёрже, чем следовало, повторил ему полковник Брюнхвальд: что же тут непонятного?

– Да, – продолжил генерал, – тихо идёте вдоль реки, отвязываете лодки и спускаете к нам, к нашему берегу. Думаю, еретиков во множестве на берегу ещё нет, но могут быть секреты, что ловят беглецов.

– Ясно; а что, если хозяева лодок будут препятствовать?

– Будете говорить им, что забираете их лодки волею Его Высочества герцога Ребенрее, и что, если они хотят, пусть приходят в лагерь, и я им на те лодки выдам расписки. Имейте в виду, прапорщик, те лодки нам будут очень нужны.

Волков не случайно выбрал Максимилиана. Тот был неглуп и ответственен, это, видимо, были фамильные черты Брюнхвальдов, а ещё к своим двадцати годам прапорщик уже набрался опыта и имел авторитет у знавших его солдат. Волков считал, что это непростое задание будет молодому воину по плечу.

Максимилиан всё понял и тут же уехал исполнять приказ, а полковник и генерал продолжили осмотр окрестностей лагеря.

– Раздам участки капитанам, но быстро они ров не выкопают, – размышлял вслух Брюнхвальд.

– Инструментов не хватит на всех? – догадался Волков.

– Именно; лопат и заступов у нас всего штук двести, остальных придётся отправить рубить лес. Думаю, нам и колья, и палисады понадобятся, – он сделал паузу, и уже по её многозначительности генерал понял, что сейчас Карл задаст какой-то важный вопрос, – и не ошибся. – Думаете, у нас не было иного выхода? Думаете, мы поступаем правильно?

Он говорил тихо, чтобы ни знаменосец, ни молодые господа, бывшие рядом с ними, его не слышали. Так же тихо барон ему и отвечал:

– О том, правильно мы поступаем или нет, одному Господу известно. А другого выхода я и вправду не видел.

Генерал всё понимал, дело действительно было непростое. Сесть в осаду, не имея стен, нужно было иметь отвагу. Поэтому Карл и спрашивал. И Волкову важно было, чтобы этот его давнишний соратник и товарищ был спокоен и уверен. Тогда он и подчинённым будет внушать уверенность. Поэтому генерал продолжил:

– Не волнуйтесь, Карл. Всё в руках провидения.

– Я не волнуюсь, – отвечал ему полковник. Но в его словах барон распознал иной смысл этой фразы, Брюнхвальд произнес три слова, скорее сказал: я волнуюсь не за себя. Теперь это было очевидно, и генерал, поняв тон полковника, добавил всё так же негромко:

– Впредь я буду держать прапорщика при себе.

Карл ничего не ответил, он даже не кивнул в ответ, но Волков знал, что он ему благодарен. И был рад, что может порадовать товарища.

Они поехали дальше осматривать местность и доехали до самой реки; на берегу, на пронизывающем ветру, остановились.

– Здесь рва, наверное, копать не нужно, – предполагал полковник.

– Да, ров тут не нужен, но те кусты, – генерал указал на густо заросший кустарником берег, – оттуда могут подойти, а ещё там и арбалетчикам будет раздолье.

– Тогда поставлю здесь палисад шагов на шестьдесят и рогатки вокруг, оставлю здесь заставу человек на тридцать.

– Да, думаю, этого будет достаточно, – согласился генерал, и они, развернув коней, поехали вдоль реки мимо солдатских палаток и обозных телег.

Волков не отпускал свой выезд и знаменосца, хотя они вроде и не очень были сейчас нужны. Но нет, не отпускал, он хотел, чтобы солдаты, и не только они, но и конюхи, и возницы, и сапёры, и все прочие люди видели его и его знамя. Чтобы знали, что генерал и его ближние офицеры занимаются укреплением лагеря.

Они остановились у реки. Река, серая, как старый свинец, даже на вид была ледяной. Ветер гонит волны, ветер сильный, даже лошади от него отворачиваются.

Волков и Брюнхвальд смотрят на противоположный берег, и генерал говорит:

– Там, кажется, какая-то деревня?

– Да, дома стоят, – отвечал Брюнхвальд.

– Будем надеяться, что на той стороне реки живут люди богобоязненные.

– На той стороне реки, кажется, еретиков не бывало.

– Как только стемнеет и у нас появятся лодки, туда нужно будет отправить людей, посмотреть, кто там, нет ли солдат безбожников.

– Произвести рекогносцировку? – Брюнхвальду мысль понравилась. – Отправлю туда людей, как только стемнеет.

– Отправьте кого посмышлёнее, чтобы нашёл, может... тамошних купцов или, может быть, старосту, нам придётся у них покупать необходимое. Нам нужны там будут свои люди.

– Дело это серьёзное, возможно, тот берег станет нашим тылом, в таком случае думаю отправить туда Дорфуса.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.